

Джефф Или

ИСТОРИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО, ПОЛИТИЗАЦИЯ КАПИТАЛА:

КАК ИМЕНОВАТЬ НАСТОЯЩЕЕ¹

Мне бы хотелось начать с простой цитаты из обращения к жителям Багдада: «Наши армии пришли в ваши города и земли не как завоеватели, а как освободители». Эти слова были произнесены девяносто лет тому назад британским военачальником, генерал-лейтенантом Стенли Модом в связи с военной оккупацией Багдада в марте 1917 года. Они почти дословно были воспроизведены в речи, с которой подполковник Тим Коллинз обратился к британским войскам пять лет назад перед началом последнего вторжения: «Мы идем освобождать, а не завоевывать». Конечно, сходство двух приведенных историй этим не ограничивается. Через три года после заявления генерала Мода во время иракского восстания против британских правителей погибли 10.000 человек, для подавления которых были использованы газы и артиллерия. Точно так же и в наши дни было ясно, что новая военная оккупация Ирака после свержения Саддама Хусейна приведет к партизанской борьбе. Примечательно, что штаб-квартиру британских военных в «зеленой зоне» Багдада в 2003 году называли «домом Мода»².

«История» важна не только потому, что она помещает нынешнюю геополитическую катастрофу Ближнего Востока и Средней Азии в необходимый более длительный контекст колониализма, военного умиротворения, импровизированного государственного строительства и националистического восстания — «история» важна не только из-за этих необходимых

1. Geoff Eley, «Historicizing the Global, Politicizing Capital: Giving the Present a Name», *History Workshop Journal*, 2007, vol. 63, no. 1, p. 154–188.
2. Текст «Багдадской прокламации», выпущенной для жителей города 19 марта 1917 года генерал-лейтенантом сэром Стэнли Модом по случаю занятия города британскими военными, см.: <http://harpers.org/ProclamationBaghdad.html>, published in print edition Harpers, May 2003. Подполковник Тим Коллинз был командиром 1 батальона королевского ирландского полка британской армии. Его речь см.: BBC News, 20 March 2003: «UK Troops Told: Be Just and Strong», http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/2866581.stm.

напоминаний, но еще и из-за того, что архитекторы нынешней американской и британской политики в регионе постоянно обращаются к истории, объясняя необходимость вторжения. Речь идет не столько о низкопробных риторических сравнениях Саддама Хусейна с Гитлером и его диктатуры с диктатурой «третьего рейха» или о вольных аналогиях с процессами экономической и политической реконструкции в Европе после Второй мировой войны. Вместо этого мне бы хотелось сосредоточить внимание на масштабных исторических объяснениях, которые лежат в основе двух основных и частично конкурирующих видений «нового мирового порядка», обосновывающих американское и британское присутствие на Ближнем Востоке.

Первое представляет собой более «либеральную» версию, которая пользовалась поддержкой британского правительства при Тони Блэре и привлекала широкий хор голосов в свою поддержку — от эксцентриков, вроде Кристофера Хитченса, до профессионалов в области прав человека, вроде Майкла Игнатъеффа, и более широкого и неоднозначного круга публичных интеллектуалов, соглашавшихся с либеральным обоснованием политики смены режима, но не готовых заявить о поддержке администрации Буша. Пользуясь языком ее сторонников, эта позиция отражала «новый интернационализм» или «новую доктрину гуманитарного вмешательства», которую Блэр в феврале 2003 года назвал необходимым переопределением «левоцентристской политики во все менее безопасном мире»³. Эта позиция предполагает сотрудничество в международной системе. Среди политиков одним из наиболее влиятельных ее сторонников был и остается британский дипломат Роберт Купер, который в настоящее время является уполномоченным по внешне- и военно-политическим вопросам в ЕС. Он предложил этот подход в своей брошюре «Постсовременное государство», опубликованной в 2002 году Центром по изучению внешней политики⁴. В ней он говорил об особом международном порядке, сложившемся после краха Советского Союза и окончания холодной войны; его рассуждения вращались вокруг «несостоятельных» или «терпящих крах» государствах и цивилизаторской

3. См.: Tony Blair, «The Left Should Not Weep If Saddam Is Toppled: We have to redefine Centre-Left politics to cope with a more insecure world», *Guardian*, 10 Feb. 2003; а также его интервью: Jackie Ashley, «No Moving A Prime Minister Whose Mind Is Made Up», *Guardian*, 1 March 2003. См.: Michael Ignatieff, «Human Rights as Politics», in Ignatieff, *Human Rights as Politics and Idolatry*, ed. Amy Gutmann, Princeton, 2001, pp. 37–43; «Empire Lite», *Prospect* 83, February 2003, pp. 37–43; *The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror* Princeton, 2004. См. также: Michael Walzer, *Arguing About War*, New Haven, 2004.
4. *Reordering the World: The Long-Term Implications of September 11*, London, 2002. Центр по изучению внешней политики был основан Тони Блэром и Робинотом Куком в 1998 году для разработки «образа честного и правового мирового порядка». См.: <http://fpc.org.uk>. Выжимки из эссе см.: Robert Cooper, «The New Liberal Imperialism», *Observer*, 7 April 2002, <http://observer.guardian.co.uk/comment/story/0,680093,00.html>. См. также: Роберт Купер, «Постсовременное государство и мировой порядок», *Прогнозис*, 2006, № 1, с. 57–84. Robert Cooper, *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*, New York, 2003; «Grand Strategy», *Prospect* 81, December 2002, pp. 26–32.

миссии либерального империализма. Передовые государства — такие, как США и, возможно, ЕС, — должны были выйти на сцену и взять на себя «ответственность за положение дел в мире». Вот несколько заключительных абзацев:

Постсовременный ЕС предлагает образ сотрудничающей империи, общей свободы и общей безопасности без этнического доминирования и централизованного абсолютизма, присущих империям прошлого, а также без этнической исключительности, которая является признаком национального государства, неуместна в эпоху отсутствия четких границ и неосуществима в регионах, вроде Балкан. Сотрудничающая империя могла бы быть внутривосточной системой, наилучшим образом отвечающей изменившейся сути постсовременного государства, — системой, в которой каждый имеет представительство в правительстве, в которой ни одна из стран не является господствующей и рабочие принципы которой являются не этническими, а правовыми. Центру придется пойти на уступки; «имперская бюрократия» должна стать подконтрольной и подотчетной, она должна быть слугой, а не господином республики. Такой институт должен оставаться верным основополагающим принципам свободы и демократии. Подобно Риму, эта республика предоставит своим гражданам кое-какие из своих законов, своих денег и дорог. Возможно, это лишь призрачное видение. Может ли оно воплотиться в жизнь? Время покажет. Вопрос в том, сколько этого времени есть в запасе. В современном мире кое-кто не отказывается от намерений заполучить ядерное оружие. В досовременном мире интересы организованной преступности, включая международный терроризм, вырастают быстрее и сильнее, чем государство. Быть может, времени осталось не так уж много⁵.

Второй картиной нового мирового порядка, разумеется, является та, которой руководствуется в своих действиях администрация Соединенных Штатов. Явно воодушевленные переменами на международной арене после окончания холодной войны, сторонники нового мироустройства с самого начала говорили об уникальных возможностях, открывающихся перед Соединенными Штатами как единственной сохранившейся сверхдержавой, упускать которые было бы попросту безответственно. В отличие от блэровской версии, этот подход изначально был односторонним — от отказа ратифицировать Киотские соглашения, противодействия Международному суду по уголовным преступлениям и выхода из международных соглашений о ядерных вооружениях до общего пренебрежительного отношения к ООН. В одном из основных документов, выражающих этот новый подход, Стратегии национальной безопасности 2002 года старая политика сдерживания и коллективной безопасности отвергалась, а вместо нее предлагались принципы наступательного военного вмешательства, упреждающих ударов и превентивных мер против распространения ядерного оружия в странах

5. Cooper, «New Liberal Imperialism» (as note 3).

изгоях. Как заявлял Джордж Буш-младший в своем введении к этому документу, «единственный путь к миру и безопасности — это путь действия»⁶. Этот новый большой проект имел своих предшественников в виде «Руководства по оборонной политике», написанного в 1992 году Полом Вулфовицем (ставшем министром обороны) и И. Льюисом Либби (ставшим правой рукой вице-президента Чейни), и в докладе о «Восстановлении обороноспособности Америки: стратегия, силы и ресурсы для нового столетия», выпущенного проектом «За новый американский век» перед президентскими выборами 2000 года⁷.

Авторы этого доклада, в число подписавшихся под которым входили Вулфовиц, Либби, Чейни, Рамсфелд, Ричард Перл, Залмай Халилзад и Джеб Буш, явно считали, что в новом столетии вся Земля должна была находиться в сфере влияния Соединенных Штатов. Они говорили о «доминировании по всему спектру», что означало непобедимость Соединенных Штатов во всех областях ведения войны — на земле, на море, в воздухе и в космосе — и поддержания мира, где взаимоотношения между двумя любыми странами не будут важнее их отношений с США. На земле не должно было быть такого места, где можно было бы не считаться с распоряжениями Вашингтона. Для этого кольцо американских военных баз должно было окружить Китай: главной задачей этого в краткосрочной перспективе было сдерживание Народной Республики, а в долгосрочной — ее полное «освобождение».

Что нам показывает весь этот корпус мысли?⁸ Мне бы хотелось сделать два общих замечания по этому поводу. Во-первых, необходимо отметить четкую последовательность между этими политическими дискуссиями

6. См.: *The National Security Strategy of the United States*, Washington, DC, 2002.

7. Проект «За новый американский век» был основан в Вашингтоне, округ Колумбия, весной 1997 года под эгидой проекта «Новое гражданство» и под руководством Уильяма Кристола в качестве «некоммерческой образовательной организации, ставящей своей целью содействие американскому глобальному лидерству». Его доклад о «Восстановлении обороноспособности Америки: стратегия, силы и ресурсы для нового столетия», основным автором которого был Томас Доннели, был выпущен в сентябре 2000 года. См.: <http://www.newamericancentury.org>. О «Руководстве по оборонной политике 1992 года» см.: Barton Gellman, «Keeping the US First: Pentagon Would Preclude a Rival Superpower», *Washington Post*, 11 March 1992, A1. Подробный анализ проекта «За новый американский век» с полной библиографией см.: Tom Barry, «Rise and Demise of the New American Century», *International Relations Centre Special Report*, 28 June 2006, www.Irc-online.org.

8. Я прекрасно сознаю, что анализ международных отношений вообще и развитие американской внешней политики в частности требует более проработанного и нюансированного подхода, нежели предлагаемая бинарная схема. Восхитительно ясное, теоретический точное и экономически пронизательное изложение, которое также прилагает теорию регулирования к рассмотрению того, как могут быть связаны политический кризис после 11 сентября и глобальная капиталистическая реструктуризация, см.: George Steinmetz, «The State of Emergency and the Revival of American Imperialism: Toward an Authoritarian Post-Fordism», *Public Culture* 15: 2, spring 2003, pp. 323–345. См. также: Перри Андерсон, «Казуистика войны и мира», *Логос*, 2003, №1, 29–38.

до 2000 года, то есть до избрания Буша президентом Соединенных Штатов, и тем, что на самом деле делала администрация Буша. Это общее следование администрации Буша программным заявлениям, делавшимся плотной сетью политических институтов, мозговых центров, исследовательских фондов, консультативных комитетов, лоббистских кругов и разного рода журналов, не следует недооценивать. Кроме того, какими бы ни были связи с нефтяными компаниями и другими корпорациями или с новым ВПК в приватизированной экономике, они играли гораздо менее важную роль, чем общее стратегическое видение, связывавшее их все вместе⁹. В этом сказочном мире масштабной глобальной интеграции после окончания холодной войны амбициозное желание быть мягким гегемоном гармонично сочеталось с догмой безудержного капитализма свободного рынка и риторикой распространения демократии. В этом контексте геополитическое переустройство всего ближневосточного и центрально-азиатского региона важно не только само по себе, но и в связи с долгосрочной целью сдерживания Китая. В ответ на предостережение Брента Скоукрофта, что война против Ирака может «превратить весь регион в кипящий котел», в августе 2002 года Майкл Лидин сказал, что:

Можно только порадоваться, если мы превратим регион в кипящий котел. Скорей бы уж это произошло! Если какой-то регион мира и заслуживает того, чтобы закипеть, так это сегодняшний Ближний Восток. Если мы будем вести войну эффективно, мы растопчем террористические режимы в Ираке, Иране и Сирии и либо свергнем Саудовскую монархию, либо заставим ее закрыть лагеря для подготовки новых террористов. Такова наша цель в войне с террором¹⁰.

«Переход к демократическим режимам в Тегеране и Багдаде запустил бы цунами во всем исламском мире», — говорил Джошуа Муравчик в том же месяце¹¹. 4 сентября 2002 года Лидин призвал Соединенные Штаты начать «широкую демократическую революцию для освобождения всех народов Ближнего Востока. Невозможно представить, что после прихода в Ирак свободы иранский народ станет и дальше терпеть тиранию в своей собст-

9. См. об этом: RETORT (Iain Boal, T.J. Clark, Joseph Matthews and Michael Watts), *Afflicted Powers: Capital and Spectacle in a New Age of War*, London, 2005, особ. chap. 2, «Blood for Oil?», pp. 38–77, где в критике грубого приписывания американской политике господства в ней преследующего собственные интересы и манипуляторского властного блока крупных нефтяных компаний и военных подрядчиков вводится понятие «военного неолиберализма». Необычайно грубое подчас использование своего влияния этим современным военно-промышленным комплексом со всеми его увертками, ложью и стяжательством не отменяет более широких политических идей и масштабных исторических заявлений, структурировавших стратегический образ мысли проекта «За новый американский век».

10. Michael Ledeen, «Scowcroft Strikes Out», *National Review*, 6 Aug. 2002.

11. Joshua Muravchik, «Democracy's Quiet Victory», *New York Times*, 19 Aug. 2002.

венной стране. Не заставит себя долго ждать и Сирия»¹². Или, как лаконично высказался один из сторонников «Восстановления обороноспособности Америки»: «После Багдада—Пекин»¹³.

Второе замечание касается того, что мы можем понять значение глобализации, только если мы рассмотрим ее развертывание в той или иной политической структуре¹⁴. Нынешние языки и процессы «глобализации» не имеют никакого смысла вне их меняющихся и специфических связей с множеством возможных политических проектов, логическое строение и генеалогия которых требуют тщательнейшей реконструкции. Среди радикальных или прогрессивных комментаторов в течение последнего десятилетия можно было наблюдать весь спектр реакций на рассуждения о глобализации. Одни прямолинейно выступали «за» или «против» последней в смысле поддержки или сопротивления нормативным требованиям «нового глобального порядка». Другие понимали «глобальность» как все более универсальное основание, теперь уже данные и «объективные» исторические условия, от которых теперь должна отталкиваться политическая мысль и деятельность. К лагерю более абстрактно-одобрительных сторонников глобализации как новой властительницы умов можно отнести Энтони Гидденса, Зигмунта Баумана, Ульриха Бека и Дэвида Хелда. К ним также можно добавить социологов специфически «глобализационных» феноменов, вроде миграций, диаспор, глобальных городов, пограничных областей, транснациональных общественных движений и форм политики, международных сетей и регионов, новых электронных медиа и их последствий, а также широко обсуждаемого рождения «глобального гражданского общества». К взвешенным критикам чрезмерного неолиберализма глобализации в ее нынешнем виде и сторонникам большего международного регулирования принадлежат Джозеф Стиглиц и Джордж Сорос. Среди более глубоких радикальных критиков глобализации можно провести различие между теми, кто, подобно Дэвиду Харви, признает ее очевидную реальность, и теми, кто, подобно Иммануилу Валлерстайну или Фреду Куперу, в принципе скептически воспринимает ее новизну. Кроме того, существует целый ряд открытых противников глобализации, связанных с различными составляющими антиглобалистского движения¹⁵.

12. Michael Ledeen, «The War on Terror Won't End in Baghdad», *Wall Street Journal*, 4 Sept. 2002.

13. Неназванный источник в проекте «За новый американский век»; цит. по: Jonathan Freedland, «Decisions, Decisions», *Guardian*, 26 Feb. 2003. Наиболее простым и быстрым способ ознакомиться с биографиями и позициями Лидина, Муравчика и других правых интеллектуалов, связанных с администрацией Буша, является сайт Американского института предпринимательства: <http://www.aei.org/scholars>.

14. Опять-таки см.: Steinmetz, «State of Emergency».

15. См.: Энтони Гидденс, *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004; *Global Capitalism*, ed. Will Hutton and Anthony Giddens, New York, 2000; Зигмунт Бауман, *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: Весь мир, 2004; Zygmunt Bauman, *Wasted Lives: Modernity and its Outcasts*, Cambridge, 2003;

Здесь стоит провести различие между глобализацией как категорией повседневного языка или описательным термином в «простой речи» и глобализацией как аналитической категорией, которая стремится ухватить особые изменения в реальных мирах капитализма и его общественных формациях на рубеже XXI века. Иными словами, нужно провести различие между интеллектуальными историями конца XX века, которые сформировали этот особый способ осмысления современных изменений, и действительными историями — экономической, социологической, культурной, институциональной, политической, — с которыми она связана и развитие которых она подстегивает. В этом смысле «глобализация» — это одновременно симптом (язык, складывающийся вокруг определенного набора важных современных историй) и диагноз (процессы, требующие описания). Современные изменения одновременно формируют разговоры о глобализации и формируются ими.

Таким образом, мы имеем дело со знакомой диалектической взаимосвязью между, с одной стороны, принятием определенного языка понимания общества, который используется в публичной сфере, а с другой — действительными явлениями, событиями и преобразованиями, которые этот язык призван описать и объяснить. То есть «глобализация» как социально-экономический, культурный и политический постулат (как ряд убедительных и ярких заявлений о переменах в реальном мире) важна для процесса глобализации так же, как существование глобализации как наблюдаемого социального факта (предполагаемое структурное преобладание глобальной интеграции). Идеология или дискурс глобализации служат, пожалуй, даже лучшей отправной точкой для анализа, чем экономика или социология в более структурном или материалистическом смысле, поскольку именно на этом дискурсивном уровне происходит рабочее принятие глобализации обществом, включая условия, на которых определенные идеи и политика могут быть включены в этот дискурс, и вопрос, кто говорит на ее языке, кто задает тон. Под идеологией или дискурсом глобализации я понимаю утверждение глобализации как организующей реальности складывающегося международного порядка и кристаллизацию определенных практик, политики и институтов, связанных с таким утверждением. Иными словами, история глобализации стано-

Ульрих Бек, *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция, 2001; Ульрих Бек, *Общество риска*. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Дэвид Хелд, Энтони Макгрю, Дэвид Гольдблатт и Джонатан Перратон, *Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура*. М.: Праксис, 2004; Джордж Сорос, *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. М.: Инфра-М, 1999; Джозеф Стиглиц, *Глобализация: тревожные тенденции*. М.: Мысль, 2003; Joseph E. Stiglitz, *Making Globalization Work*, New York: Norton, 2006; David Harvey, *The New Imperialism*, Oxford, 2003, *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*, London, 2006; Frederick Cooper, «Globalization», in *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*, Berkeley, 2005, pp. 91–112; Immanuel Wallerstein, *The Decline of American Power: the US in a Chaotic World*, New York, 2003. Общий обзор дебатов о глобализации см.: *Debating Globalization*, ed. Anthony Barnett, David Held, and Caspar Henderson, Cambridge, Polity Press in association with openDemocracy, 2005.

вится неотделимой от истории самой этой категории. Глобализация появилась в последние десять-пятнадцать лет в виде ряда дискурсивных заявлений о международном мире, стремящихся агрессивно перестроить этот мир по своему образу и подобию¹⁶.

В ЧЕМ СОСТОИТ ОТЛИЧИЕ НАСТОЯЩЕГО?

В общих чертах, именно это я и понимаю под «историзацией глобального». Конечно, я прекрасно сознаю, что среди многих ее критиков «глобализация» остается крайне спорным понятием, причем не в последнюю очередь из-за раздражающего отсутствия в ней исторического своеобразия и зачастую раздутых заявлений о радикальной новизне настоящего. Так, для критиков, вроде Пола Херста или Грэма Томпсона, мировая экономика сегодня менее интегрирована, чем хотелось бы пытающимся убедить нас в этом истинно-верующим глобалистам, и кое в чем она даже не дотягивает до степени интеграции, которая имела место до начала Первой мировой войны. По некоторым ключевым показателям, масштабы и темпы изменений в 1890–1914 годах были гораздо более впечатляющими — например, по степени интеграции мировых рынков капитала, взаимозависимости национальных и региональных экономических систем, росту международной торговли и масштабу межнациональных и межконтинентальных трудовых миграций¹⁷. Другие скептики говорят, что «ничто не ново под луной». Среди

16. Одна из трудностей, связанных с написанием чего-либо значимого или полезного о глобализации сегодня, состоит в ошеломительном обилии литературы по теме, поставляемой неуправляемым множеством научных дисциплин и публичных источников, причем некоторых из них (в социологии, экономике, антропологии, коммуникациях, литературе, истории и культурных исследованиях или более широких междисциплинарных областях, вроде постколониальных исследований) почти не заботятся о том, чтобы учитывать друг друга или говорить друг с другом. Одни из интересующих меня работ будут прямо упоминаться в примечаниях, а другие, скажем, работы Стюарта Холла, останутся за рамками настоящей статьи. На настоящий момент наиболее полезной отправной точкой служит работа: *Postcolonial Studies and Beyond*, ed. Ania Loomba, Suvir Kaul, Matti Bunzl, Antoinette Burton, and Jedd Esty, Durham, NC, 2005. Но за прошедшие пятнадцать лет появилось немало текстов, которые не цитируются в примечаниях к настоящему тексту, но которые сыграли особенно важную роль для моей собственной мысли: Roger Rouse, «Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism», *Diaspora* 1, 1991, pp. 8–23; Stuart Hall, «When Was the „Postcolonial“? Thinking at the Limit», in *The Post-Colonial Question: Common Skies, Divided Horizons*, ed. Iain Chambers and Lidia Curti, New York, 1996, pp. 242–260; *The Cultures of Globalization*, ed. Fredric Jameson and Masao Miyoshi, Durham, NC, 1998; *Cosmopolitanism: Thinking and Feeling Beyond the Nation*, ed. Pheng Cheah and Bruce Robbins, Minneapolis, 1998; Fernando Coronil, «Beyond Occidentalism: Towards Non-Imperial Geohistorical Categories», *Current Anthropology* 1, 1996, pp. 51–87, and «Towards a Critique of Globalcentrism: Speculations on Capitalism's Nature», *Public Culture* 12: 2, spring 2000, pp. 351–374; Saskia Sassen, «Spatialities and Temporalities of the Global: Elements for a Theorization», *Public Culture* 12: 1, winter 2000, pp. 215–232.
17. См.: Paul Hirst and Grahame Thompson, *Globalization in Question: the International Economy and the Possibilities of Governance*, 2nd edn, Cambridge, 1999; Paul Hirst, «The Global Economy: Myths and Realities», *International Affairs* 73 1997; Kevin H. O'Rourke

историков колониализма, рабства, создания мировой капиталистической экономики и подчинения остального мира Западу нет недостатка в головах тех, кто утверждает (и Фред Купер является здесь одним из наиболее убедительных авторов), что мы живем с глобализмом уже очень давно. Так, недавние международные действия с их смешением эгоистических, альтруистических и нарциссических рационализаций вряд ли представляют собой что-то удивительное для историков деколонизации, расцвета империализма перед началом Первой мировой войны, «цивилизаторской миссии» XIX столетия или 1492 года. Марксистам также издавна известно о глобальном движении капитала и его далеко идущих социальных и политических последствиях, которые делают возможным дальнейшее развитие только в самых противоречивых и отталкивающих формах. Иными словами, этот хор критиков утверждает, что, если мы и живем сейчас в глобальном мире, нам нужны гораздо более точные языки анализа для того, чтобы разобраться с тем, что именно может означать такое состояние. Нам нужны лучшие средства для определения новизны настоящего.

Фред Купер с глубоким скептицизмом относится к «глобализации», считая ее не слишком полезной категорией анализа. Если мы признаем длительность и глубину соответствующих процессов и рассматриваем глобализацию как обозначение «постепенной и неуклонной интеграции различных частей света в некое уникальное целое», восходящее в своих истоках к XV столетию, как утверждает он, то «аргументация падет жертвой линейности и телеологии». Если мы занимаем противоположную позицию, утверждая, что «глобальная эпоха наступила только сейчас», и резко отграничивая ее от какого-либо более глубокого исторического прошлого, останется не вполне ясным, как в этом отношении понятие «глобального» может отделить настоящее от более ранних эпох. «Коммуникационные революции, движение капитала и регулирующие аппараты нуждаются в изучении, а отношения между ними, взаимоподдерживающие и противоречивые, требуют всестороннего рассмотрения», но язык «глобализации» лишь упрощает задачи анализа «многообразия и своеобразия кросс-территориальных связующих механизмов в прошлом и настоящем». Например, с точки зрения Купера, «от работорговли XVI столетия и через период империализма во имя освобождения XIX столетия взаимосвязь между различными частями света была важна для истории каждой из его частей. Но механизмы взаимосвязи были условными и ограниченными в своей способности к трансформации, и они остаются таковыми и поныне». Но если эта более ранняя «атлантическая система» не была в достаточной мере системной, чтобы заслужить звание «„глобализации“ XVIII века», то такого звания не заслуживает и «глобализация» начала XXI столетия. Для каждого

and Jeffrey G. Williamson, *Globalization and History: the Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy* Cambridge, Mass., 1999; Paul Bairoch, «Globalization Myths and Realities: One century of External Trade and Foreign Investment», in *States against Markets: the Limits of Globalization*, ed. Robert Boyer and Daniel Drache, London, 1996.

случая необходимо более точное аналитическое понятие, чем может предложить упрощающая риторика «глобализации». Нам нужна, говорит Купер, «точность в определении того, как возникают такие товарные цепочки, как связи в пространстве расширяются и ограничиваются и как масштабные и долгосрочные процессы, вроде капиталистического развития, могут анализироваться с учетом их влияния, их ограничений и механизмов, которые формируют их»¹⁸.

Если большинству нынешних рассуждений о глобализации недостает специфической «глубины» в куперовском смысле, ровно то же самое относится и к географической неравномерности глобализации. Наиболее легковесные версии таких рассуждений открыто выступают в защиту глобальной интеграции. С одной стороны, они просто исходят из «влиятельной культурной и экономической идеологии мирового рынка, естественным образом действующей на неолиберальных условиях, насаждающих в мире одну культуру, одну форму потребления без существенных культурных различий»¹⁹. Такие версии предполагают наличие одной главной логики, необходимой для современного функционирования мировой экономики, для которой не существует ни одной жизнеспособной альтернативы. В той степени, в какой определенные государства, регионы или экономические системы выпадают из этих рамок, они утрачивают всякое значение, становясь примерами «провала» или «несостоятельности». С другой стороны, эти версии не признают никакой политической значимости для господствующего рыночного порядка сложного и, как правило, принудительного комплекса регулирующих международных вмешательств. Эти вмешательства иногда бывают финансовыми, как во время мексиканского дефолта 1982–1984 годов и во время многих других долговых кризисов 1980-х, которые предопределили переход МВФ от кейнсианского подхода к монетаристской ортодоксии «структурной перестройки»; иногда они бывают институциональными, как это проявилось при создании нового регулирующего комплекса НАФТА и ВТО с 1994–1995 годов; иногда они бывают дипломатическими; а при необходимости они, конечно, бывают и военными²⁰. Для более слабых или узко

18. См.: Cooper, *Colonialism in Question*, pp. 111, 110, 104. Превосходное исследование долгого XIX века, наделяющее глобализацию более длительной историей и подчеркивающее важность „великих ускорений“, см.: Christopher A. Bayly, *The Birth of the Modern World 1780–1914: Global Connections and Comparisons*, Oxford, 2004, especially pp. 451–487, «Conclusion: The Great Acceleration, c. 1890–1914». Я бы сказал, что мы переживаем сейчас еще одно такое великое ускорение, которое началось в середине 1970-х.

19. Roy Boyne, «Cosmopolis and Risk: a Conversation with Ulrich Beck», *Theory, Culture and Society* 18, 2001, p. 49.

20. См. прекрасное введение в эту историю перестройки «долларового режима Уолл-Стрит» в 1980-х для создания «Вашингтонского консенсуса» середины 1990-х: Peter Gowan, *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance* London, 1999. См. также: Robert Brenner, *The Boom and the Bubble: the US in the World Economy* London, 2003; *Development Policy in the Twenty-First Century: Beyond the Post-Washington Consensus*, ed. Ben Fine, London, 2001, а также блестящую работу: Дэвид Харви. «Неолиберализм и реставрация классовой власти», *Прогнозис*, № 2, 2006.

специализированных экономик, не вписывающихся в мировой рынок, эти политические машины глобализации приводят к образованию деструктивных связей с мировой экономикой, хронически избирательные, сегментированные и исключают формы которой противодействуют тем типам организованной социальной солидарности и социального единства, каковые обычно востребованы хорошо работающим государством.

Это катастрофически верно для большинства африканских стран, где любые «глобальные» связи возникают преимущественно в «избирательной и прерывистой форме»²¹. Идет ли речь о движении капитала или все большем политическом влиянии неправительственных организаций, которые по сути транснационализируют основания для определения политики в Африке южнее Сахары, подотчетность в привычном политическом понимании этого слова почти полностью исчезла. По словам Джеймса Фергюсона, эти сети «скачут (а не текут) по территориям, населенным подавляющим большинством африканского населения», которое вследствие этого имеет «лишь незначительную и косвенную связь» со сколько-нибудь более широкой глобальной экономикой²². Иными словами, глобализация как действительная совокупность процессов, затрагивающих мир (в сравнении с идеализированными требованиями глобализационного «большого рассказа»), неизбежно предполагает и вызывает (а также обеспечивает дальнейшее подержание) развитие дестабилизирующей и разрушительной неравномерности и неравенства. С африканской точки зрения, как говорит Фергюсон, глобализация

- это не гладкая, блестящая и всеобъемлющая тотальность (как, по-видимому, предполагает само это слово). И это не более высокий уровень планетарного единства, взаимосвязанности и коммуникации. Скорее, «глобальное», которое мы наблюдаем в недавних исследованиях, посвященных Африке, имеет острые, зазубренные края; богатое и опасное движение по зонам общего унижения; обособленные анклав по соседству с заброшенной округой. Так она выглядит во всех странах со средней продолжительностью жизни чуть более тридцати лет; здесь ведутся кажущиеся бесконечными войны; и здесь имеет место самое значительное экономическое неравенство, когда-либо существовавшее в человеческой истории. Это глобальное, в котором движение капитала и рынки одновременно молниеносны, неоднородны и неполны, в котором связанный с остальным миром анклав находится прямо посреди неуправляемой зоны гуманитарной катастрофы. Это глобальное, но не планетарной общности, а разъединения, сегментации и сегрегации; это не гладкий мир без границ, а мозаика прерывистых и иерархически выстроенных пространств, края которых четко очерчены и строго охраняются²³.

21. James Ferguson, *Global Shadows: Africa in the Neoliberal World Order* Durham NC, 2006, p. 14.

22. Ferguson, p. 14.

23. Ferguson, «Globalizing Africa? Observations from an Inconvenient Continent», in *Global Shadows*, pp. 48–49.

Принимая во внимание такие проявления обоснованного скептицизма, как нам следует подходить к необычайно масштабным заявлениями, высказываемым в рассуждениях о глобализации. Как сделать так, чтобы этим понятием можно было пользоваться? Я предложу свой довольно грубый ответ на эту загадку в четырех областях определения, каждая из которых опирается на определенную историческую.

ГУЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Моим первым шагом будет простая фиксация неизбежного дискурсивного шума глобализации. Проще всего это сделать, найдя самого громкого крикуна, и мой выбор пал на Томаса Л. Фридмена, лауреата Пулитцеровской премии, колумниста *New York Times* и автора бестселлера «Lexus и олива: понимая глобализацию»²⁴. Конечно, как аналитический термин, «глобализация» имеет гораздо более широкую генеалогию, восходящую преимущественно к началу 1990-х годов, хотя некоторые датируют его появление 1960–1980 годами; однако нет никакого сомнения в том, что именно Фридмен ввел этот термин в широкое употребление²⁵. «Движущей идеей глобализации», — говорил он в «Манифесте для быстрого мира», опубликованном в *New York Times Magazine* в марте 1999 года, — «является идея свободного рыночного капитализма». Его дерзкая и напористая защита строилась вокруг трех аксиом. Во-первых, глобализация предлагает основную и неизбежную логику развития и процветания настоящего: «Чем больше вы позволяете рыночным силам править и чем больше вы открываете свою экономику свободной торговле и конкуренции, тем более процветающей и эффективной будет ваша экономика. Глобализация означает распространение свободного рыночного капитализма практически во всех странах мира»²⁶. Во-вторых, нынешняя глобализация вызвана к жизни всемирно-историческим поражением социализма, которое открыло новые перспективы после окончания холодной войны: «В отличие от системы времен холодной войны, которая во многом была статической, глобализация предполагает интеграцию свободных рынков, национальных государств и информационных технологий в невиданной прежде степени, позволяя индивидам, корпорациям и странам налаживать связи в мире гораздо дальше, глубже, быстрее и дешевле, чем когда-либо прежде. Это также вызывает мощную ответную реакцию со стороны ожесточенных или отставших»²⁷.

И именно из-за этой ответной реакции «складывающийся глобальный порядок» нуждается в твердых политических гарантиях: помимо основной

24. См.: Томас Фридмен, *Lexus и олива: понимая глобализацию*. М.: ид «Весь», 2003; Томас Фридмен, *Плоский мир. Краткая история XXI века*. М.: АСТ, 2007.

25. О первых дискуссиях, восходящих к началу 1980-х, см.: Roland Robertson, *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London, 1992.

26. Thomas L. Friedman, «A Manifesto for a Fast World: From Supercharged Financial Markets to Osama bin Laden, the Emerging Global Order Demands an Enforcer. That's America's New Burden», *New York Times Magazine*, 28 March, 1999, p. 42.

27. Friedman, «Manifesto for a Fast World», p. 42.

дисциплины полезной деятельности рынка, новая «система глобализации» нуждается в военной защите. Или, как выразился Фридмен, если « [новые] супермаркеты способны победить вас, ослабляя ваши старые привязанности», то «Соединенные Штаты способны уничтожить вас, сбрасывая бомбы»²⁸. Он продолжает:

Именно поэтому устойчивая глобализация по-прежнему нуждается в устойчивой геополитической силовой структуре, которую попросту невозможно поддерживать без активного участия Соединенных Штатов. Все технологии, которые Кремниевая долина создает для передачи оцифрованного звука, изображений и данных во всем мире, вся торговая и финансовая интеграция, которой она способствует своими инновациями и богатством, имеют место в мире благодаря стабилизирующему влиянию мягкой сверхдержавы со столицей в Вашингтоне²⁹.

В мысли Фридмена экономика, политика и культура взаимосвязаны: «В большинстве стран люди больше не в состоянии разделить американскую силу, американский экспорт, американское культурное наступление и старую добрую глобализацию»³⁰. Но решающее значение имеют военные гарантии: «невидимая рука рынка никогда не будет работать без невидимого кулака — *McDonald's* не сможет процветать без *McDonnell Douglas*, создателя F-15. И этим невидимым кулаком, который поддерживает безопасность в мире для работы технологий Кремниевой долины, являются армия, военно-воздушные силы и военно-морской флот Соединенных Штатов»³¹. И напоследок он говорит: «Без Америки на страже не будет никакой *America Online*»³².

Идея, которую мне бы хотелось высказать, довольно проста: в общественной среде, пронизанной подобного рода рассуждениями о глобализации, которые оказываются полностью включенными в расширяющийся репертуар процесса и политики, дальнейшие разговоры об исторической неточности самого термина становятся наивными и бесплодными. Здесь что-то происходит, и наша интеллектуальная и политическая задача состоит в том, чтобы понять, что же именно.

ИСТОРИИ КАПИТАЛИЗМА

Во-вторых, мне бы хотелось предложить свою собственную общую периодизацию в качестве необходимой схемы, объясняющей появление особого настоящего. Надеюсь, меня простят за мой неисправимый марксизм, поскольку несложно истолковать основополагающую логику глобализа-

28. Friedman, «Manifesto for a Fast World», p. 43. Более ранний пример проявления любви Фридмена к бомбардировкам см.: «Stop the Music: Give the Air War a Chance», *New York Times*, 23 April 1999, A25.

29. Friedman, «Manifesto for a Fast World», pp. 84, 96.

30. Friedman, «Manifesto for a Fast World», p. 43.

31. Friedman, «Manifesto for a Fast World», p. 96.

32. Friedman, «Manifesto for a Fast World», p. 97.

ции в изложении Фридмена как запоздалое подтверждение предсказаний из «Манифеста Коммунистической партии» и как своего рода вульгарный пересказ его. В то самое время, когда марксистскую мысль столь решительно выбросили на помойку, формы капиталистической власти в мире оказались как никогда близки к подтверждению правоты классической марксистской критики. И хотя марксистская критика оказалась вытесненной за пределы публичного поля, славословия в адрес рынка стали ироничным подтверждением ключевым марксистских идей. Почти повсеместный триумф рыночных принципов — не просто как системы идей для описания неограниченной капиталистической экономики, а как ряда предписаний для всех областей общественного устройства и жизни — стал основой для грубой и откровенной материалистической теории политики, основанной на развитии экономики. И наше современное положение, когда общественные ценности, господствующие идеи и спектр доступной политики целиком и полностью связываются с господствующей логикой накопления капитала и диктатом экономики, пугающе напоминает триумф глобального капитализма, описанный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», который был впервые опубликован в 1848 году.

Кстати, в своем Докладе о мировом развитии за 1996 год под названием «От плана к рынку» Всемирный банк описывал переход бывших социалистических стран к «рыночной ориентации» именно в таких терминах; говоря о важности изменений 1990-х, он использовал известную фразу из «Манифеста»: «Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть»³³. И этот образ всепобеждающего порядка свободного рынка, устанавливающегося в поистине глобальном масштабе, подавляющего все формы антикапиталистического сопротивления и сметающего препятствия к расширению, пришелся к месту в начале XXI века. Как заметил Эрик Хобсбаум в своем «современном издании» «Манифеста» к его 150-ой годовщине, идеи Маркса и Энгельса имеют «необычайно современное звучание», включая:

признание капитализма мировой системой, способной выстраивать производство в глобальном масштабе; его разрушительное воздействие

33. В аннотации к докладу это выглядело так: «В 1917–1950 годах страны, в которых проживала треть всего мирового населения, отходили от рыночной экономики и начинали эксперименты по созданию альтернативных систем с центральным планированием. Это преобразило политический и экономический облик мира. Доклад о мировом развитии за 1996 год, девятнадцатый по счету в этой ежегодной серии, посвящен переходу этих стран — в частности, стран Центральной и Восточной Европы, новых независимых государств бывшего Советского Союза, Китая и Вьетнама — назад к рыночной ориентации». См.: World Bank, *World Development Report: From Plan to Market*, Oxford, 1996. См. также: Sheila Rowbotham, «The Tale That Never Ends», in *The Socialist Register 1999: Global Capitalism Versus Democracy*, ed. Leo Panitch and Colin Leys, New York, 1999, p. 354.

на все аспекты человеческого существования, работу, семью и распределение богатства; и понимание того, что, вовсе не будучи стабильной, неизменной системой, он, напротив, подвержен серьезным конвульсиям и кризисам³⁴...

События, которые, с одной стороны, опровергли обоснованность марксизма как теории направления истории — конец коммунизма, крушение жизнеспособных альтернатив капитализму, препятствия классовой политике, — с другой стороны, наглядно иллюстрируют марксистский анализ динамики капиталистического накопления. Точно так же неолиберальная мысль поставила демократию в такую зависимость от определенной концепции экономики, о какой постыдились бы говорить самые вульгарные из всех марксистов. Таким образом, пространство для любой реалистической или доступной политики — значимых действий правительства в обществе — ограничивается в этом образе мысли потребностями экономики, рассматриваемой в рыночных категориях. Но мне бы хотелось построить объяснительную схему не вокруг классического понимания индустриализации и промышленной революции, к которому мы обычно обращаемся, и не вокруг более глубоких рассуждений о переходе от феодализма к капитализму, связанными с так называемыми «дебатами о переходе» 1950–1970-х годов, а при помощи двух других современных подходов³⁵. Один из них включает все более богатую историографию рабства, обществ после отмены рабства и «черной Атлантики», которая продолжает заставлять нас пересматривать наши общие представления о происхождении современного мира. Другой опирается на вещи, известные нам об особых условиях накопления и эксплуатации, которые определяют теперь новое глобализованное разделение труда в настоящем, особенно в отношении дерегулированных мигрантов и транснационализированных рынков труда, создаваемых теперь все более быстрыми темпами. Используя последний подход, мне бы хотелось отметить некоторые отличия от предыдущего режима накопления, установленного после 1945 года и просуществовавшего до новых перемен середины 1970-х годов.

Мне бы хотелось сказать несколько слов об историях капитализма в мировом масштабе, предшествовавших и предвосхищавших историю промышленного производства, с которыми обычно связывается возникновение капитализма. Примечательно, что до сих пор разговоры о «черной Атлантике» возникали в связи с вопросами гражданства и личности и касались

34. Karl Marx and Friedrich Engels, *The Communist Manifesto. A Modern Edition*, Introduction by Eric Hobsbawm, London, 1998. Это 150-летие привлекло широкое внимание газет и журналов.

35. О так называемых дебатах о переходе см.: *The Transition from Feudalism to Capitalism*, ed. Rodney Hilton, London, 1976; *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*, ed. Trevor Aston and C. H. E. Philpin, Cambridge, 1985; Robert Brenner, «The Origins of Capitalist Development: a Critique of Neo-Smithian Marxism», *New Left Review* 104, July-August 1977, pp. 25–92.

преимущественно влияния Великой французской революции (чаще всего речь шла о Гаитянской революции, но также и о более широких проявлениях радикализма и стремления к свободе в Карибском бассейне), а не в связи с вопросом о современности капитализма³⁶. Возможно, большой поворот от социальной истории к культурной истории помешал нам гораздо лучше рассмотреть первичную форму «социального» или даже вообще написать в 1960–1970-х о происхождении капитализма. Например, в самой лучшей из недавних работ о социальных преобразованиях, которыми сопровождалась отмена рабства в Новом свете, акцент делается на совершенно иной логике, связанной с утверждением общей нормы свободного трудового контракта, которая неизбежно вступала в противоречие с чаемыми идеалами гражданской свободы и свободной личности. Основное внимание уделяется обеспечению новых отношений, которые необходимы для капиталистического трудового контракта, когда сложные механизмы для привлечения и использования зависимой или «полусвободной» рабочей силы продолжают сохраняться, так что обещанные свобода и гражданство, которые в любом случае несут на себе отпечаток расы и труда во время перехода от рабства, неизбежно ставятся под сомнение. Но осмыслить уже сформированное место рабства в капиталистической системе производства не так-то просто. Представление о нем как о черте докапиталистической формации или, в лучшем случае, аномалии, когда «капиталистическая система, основанная на наемном труде, [начала] созреть в глобальном масштабе, остается незыблемым»³⁷.

36. См.: Paul Gilroy, *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* Cambridge, MA, 1993. Мостиком к обширной литературе по этой тематике может служить: Stuart Hall, «Breaking Bread with History: C. L. R. James and The Black Jacobins», *History Workshop Journal* 46, autumn 1998, pp. 17–31; Michel-Rolph Trouillot, *Silencing the Past: Power and the Production of History*, Boston, 1997; Laurent Dubois, «The Citizen's Trance. The Haitian Revolution and the Motor of History», in *Magic and Modernity: Interfaces of Revelation and Concealment*, ed. Birgit Meyer and Peter Pels, Stanford, 2003, pp. 103–128; Laurent Dubois, *Avengers of the New World: the Story of the Haitian Revolution*, Cambridge, Mass, 2004.

37. Frederick Cooper, Thomas C. Holt, and Rebecca J. Scott, *Beyond Slavery: Explorations of Race, Labor, and Citizenship in Postemancipation Societies* Chapel Hill, NC, 2000, p. 23. В работах этих авторов рассматриваются сложности переходов от рабства к наемному труду. См.: Frederick Cooper, *From Slaves to Squatters: Plantation Labor and Agriculture in Zanzibar and Coastal Kenya, 1890–1925*, New Haven, 1980; Rebecca J. Scott, *Slave Emancipation in Cuba: the Transition to Free Labor, 1860–1899*, Princeton, 1985; Thomas C. Holt, *The Problem of Freedom: Race, Labor, and Politics in Jamaica and Britain, 1832–1938*, Baltimore, 1992; Rebecca J. Scott, *Degrees of Freedom: Louisiana and Cuba after Slavery*, Cambridge, MA, 2005. Об использовании зависимой рабочей силы: Hugh Tinker, *A New System of Slavery: The Export of Indian Labour Overseas, 1830–1920*, London, 1974; David Northrup, *Indentured Labor in the Age of Imperialism, 1834–1922*, Cambridge, 1995. Об исторически детерминированных процессах труда для создания в XIX столетии «свободного труда» см.: Robert J. Steinfeld, *The Invention of Free Labor: the Employment Relation in English and American Law and Culture, 1350–1870*, Chapel Hill, NC, 1991; *Coercion, Contract, and Free Labor in the Nineteenth Century*, Cambridge, 2001.

Но из работ по рабовладельческим экономикам Карибского бассейна, а также из *tagnum opus* Робина Блэкберна «Создание рабовладельческого Нового света» и произведений Сидни Минца, становится ясно, что мы должны считать рабство не отражением некоей архаической или докапиталистической общественной формации или аномалией во время возникновения собственно капитализма, а, напротив, примером первого современного пролетариата масштабного, высокоорганизованного и интегрированного капиталистического производства³⁸. Подобные размышления о связи плантационных экономик Нового света с капиталистическими режимами производства, эксплуатации и накопления дестабилизируют наши привычные телеологии капиталистической индустриализации. Они связывают наше понимание формирования рабочего класса с рядом общественных отношений, которые предшествовали и резко отличались от тех, что обычно связывались с капиталистической промышленностью. Организованный в глобальном масштабе, данный трудовой режим пересекался и сосуществовал с последней в том числе и в эпоху «промышленной революции» в классическом ее понимании. К современности порабощенного массового рабочего можно еще прибавить важность домашней зависимости для рынков труда и режимов накопления в англо-шотландской экономике XVIII века³⁹. Если соединить эти два социальных режима труда — порабощенного массового рабочего Нового света и зависимых домашних, ремесленных и сельскохозяйственных работников Старого света, — можно прийти к радикально иному пониманию динамики возникновения капитализма и форм социального подчинения, которые сделали возможным его появление. Например, в конце XVIII — начале XIX века (то есть как раз в период индустриализации) слуги во всем своем многообразии составляли одну из самых крупных и важных категорий работников, но они почти не упоминаются в распространенных объяснениях капиталистической экономики или формирования рабочего класса. Поэтому если мы признаем важность труда, не связанного с промышленностью, а также фундаментальное значение услуг, домашнего труда и всего, что делалось в домохозяйствах, прибавив к этому важность массового производства с использованием труда рабов, наше привычное понимание истории политической экономии и формирования рабочего класса изменится⁴⁰.

38. См.: Robin Blackburn, *The Making of New World Slavery. From the Baroque to the Modern*, London, 1997; *The Overthrow of Colonial Slavery 1776–1848*, London, 1988; Sidney W. Mintz, *Sweetness and Power: the Place of Sugar in Modern History*, New York: Viking, 1985; David Scott, «Modernity that Predated the Modern», *History Workshop Journal* 58, autumn 2004, pp. 191–210.

39. My thinking on this point is hugely indebted to the ideas of Carolyn Steedman and in particular to a reading of her unpublished paper, «A Boiling Copper and Some Arsenic: Servants, Childcare and Class Consciousness in late eighteenth-century England», and our associated correspondence. See also Steedman's already published articles, «Lord Mansfield's Women», *Past and Present* 176, 2002, pp. 105–43, and «The Servant's Labour: the Business of Life, England, 1760–1820», *Social History* 29, 2004, pp. 1–29.

40. К режимам, основанным на рабском и зависимом труде, некоторые исследователи прибавляют также третий, а именно — матросов на парусниках, которые слу-

Еще одно соображение возникает, если резко вернуться от истории капитализма XVIII века к нашему вопросу о своеобразии его форм в настоящем. Как только мы пересматриваем наше понимание ранней истории накопления капитала, признавая важный вклад рабства и зависимого труда, мы уже начинаем ставить под сомнение мнимое центральное значение наемного труда на производстве, в добывающей и иных видах промышленности для общего нарратива возникновения капитализма. Изменяя таким образом угол зрения, мы на самом деле релятивизируем место наемного труда в социальной истории формирования рабочего класса и открываем возможность включения в наши объяснения других режимов труда. В соответствии с этой логикой, притязания наемного труда на первостепенное значение в истории развития капитализма уже не кажутся столь бесспорными. Между тем падение квалификации, исчезновение профсоюзов, сокращение социальных выплат и денационализация труда в результате процессов деиндустриализации метрополии и транснационализированной капиталистической реструктуризации в наше время отрицает подобные притязания с другого конца, а именно — с точки зрения настоящего. Сегодня трудовые отношения в обществе трансформируются в сторону новых низкооплачиваемых, полуполюгальных и дерегулированных рынков труда в экономиках, основанных преимущественно на оказании услуг и имеющих сложную транснациональную организацию. В свете этой радикальной репротектаризации труда при сегодняшнем развитом капитализме мне бы хотелось показать, что преобладание социально ценимых форм организованного труда, установленное после Второй мировой войны, которое, как надеялись послевоенные социал-демократы, должно было обрести силу закона, вновь кажется временным явлением. Этот перераспределительный социал-демократический взгляд на гуманизацию капитализма, недавно потерпевший поражение, оказывается крайне ограниченным и исключительным проектом, который ограничивался созданием послевоенного устрой-

жили производственной площадкой, характерной для атлантической арены глобализации в XVII–XVIII веках. См.: Peter Linebaugh and Marcus Rediker, *The Many-Headed Hydra: Sailors, Slaves, Commoners, and the Hidden History of the Revolutionary Atlantic*, London, 2002. Эта идея впервые была изложена в статье 1982 года, которая по сей день остается основополагающей для «атлантических исследований»: К концу XVII века мы можем выделить четыре способа, которыми капитал стремился организовывать эксплуатацию человеческого труда в сочетании с сырьем и инструментами. Это были, во-первых, плантация, наиболее важное меркантилистское достижение; во-вторых, мелкое производство, например, йоменов или удачливых ремесленников; в-третьих, надомная система, которая начала развиваться в мануфактуру; и способ производства, который действовал на уровне транспортного сообщения, а именно — корабельный.

Согласно этой идее, корабли «не только несли [на своих палубах и в трюмах] застывший труд плантаций, мануфактур и мастерских», но и «живой труд... этапируемых преступников и, прежде всего, африканских рабов». См.: Peter Linebaugh, «All the Atlantic Mountains Shook», in *Reviving the English Revolution: Reflections and Elaborations on the Work of Christopher Hill*, ed. Geoff Eley and William Hunt, London: Verso, 1988, pp. 207, 208.

ства и его длительным болезненным демонтажом, начавшимся с середины 1970-х годов.

В свете этой современной репролетаризации труда, возможно, нам даже следует рассмотреть период, когда благодаря профсоюзам, государственной политике, сознанию и этике коллективной жизни общества труд стал коллективно организованным и социально ценным, всего лишь как краткую вспышку в истории капиталистических общественных формаций, принципы устройства которых в начале (в XVIII веке) или конце (в наше время) понимались и институционализировались совершенно иначе. Как я уже сказал, данную вспышку исторически можно поместить в хобсбаумовский «золотой век» капиталистического бума после окончания Второй мировой войны, формы общественно-политической демократизации которого (посредством планирования, полной занятости, социального обеспечения, перераспределительного налогообложения, признания профсоюзов, государственного образования, коллективистских идеалов улучшения общества, этики общих благ) последовательно подвергались нападкам с середины 1970-х годов⁴¹. Во всяком случае можно утверждать, что рост рабочего движения и политическое укрепление, которые заметно различались от страны к стране, можно датировать первыми тремя четвертями XX столетия.

Эти два момента требуют дополнительного пояснения. Во-первых, утверждение, что рабов и слуг следует считать рабочими, может показаться радикально отличным от обычной практики определения «рабочего класса» посредством категории найма. Тем не менее я бы сказал, что некогда связанный с историей капитализма в целом наемный пролетариат действительно появляется вновь как относительно преходящее, секторально специфическое образование, создаваемое в весьма определенные исторические периоды и условиях. Более того, при всяком определенном капитализме наемный труд в любом случае всегда продолжал сосуществовать с различными типами несвободного и принудительного труда. Значение такой одновременности — временного сосуществования во всякой определенной капиталистической общественной формации принудительных, кабальных, рабских и несвободных форм труда со свободными отношениями найма — должно получить открытое признание. Такая одновременность становится еще более значимой, когда мы начинаем рассматривать накопление капитала в глобальном масштабе, включая формы изъятия излишков в колониальном, неокOLONIALном или слаборазвитом мире. Привилегированное процветание Запада, включая возможность социал-демократических улучшений, связанных с тремя десятилетиями после окончания Второй мировой войны, конститутивно основывалось на ужасающем репертуаре изъя-

41. См.: Эрик Хобсбаум, *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век 1914–1991*. М.: Независимая газета, 2004, с. 225–400. Подробнее об этом см.: Geoff Eley, *Forging Democracy: the History of the Left in Europe, 1850–2000*, New York, 2002, особ. chap. 23: «Class and the Politics of Labor», pp. 384–404.

тия и эксплуатации в мировом масштабе. Другие формы трудового принуждения были характерны для наиболее развитых капиталистических систем в соответствующие эпохи, как, например, во время двух мировых войн или при расовом «новом порядке» в «третьем рейхе». Поэтому я бы сказал, что поиски «чистого» формирования рабочего класса, избавленного от форм порабощения, рабства, кабалы, трудовой мобилизации, повинностей и принуждения, остаются химерой. Поэтому, как только мы определяем формирование рабочего класса не через установление отношений найма в строгом смысле слова, а по трудовому вкладу в более разнообразные режимы накопления, которые мы можем встретить в истории капитализма начиная с XVIII столетия, мы также без каких-либо сложностей обнаружим многообразие возможных режимов труда.

Во-вторых, я не говори ни о «циклической» истории труда, посредством которой формы трудовой эксплуатации в XXI веке тем или иным образом возвращаются к формам, распространенным на ранних этапах капитализма, ни об эквивалентности между сегодняшними низкоквалифицированными или заново пролетаризированными работниками и слугами и рабами XVIII столетия. Скорее, рассматривая две наиболее крупные категории работников во время самых ранних процессов накопления, мы можем увидеть крайне различные трудовые режимы, которые поддерживали эти процессы, включая те, что основывались на принуждении. В какой-то мере эти рассуждения близки к более ранней критике классических нарративов «промышленной революции», которая акцентировала внимание на протоиндустриализации, небольшой сельской промышленности, новых формах непромышленного производства и широком спектре «альтернатив массовому производству»⁴². Понятно, что мы неизбежно должны проводить различие между формами «свободного» и «принудительного труда», потому что в противном случае особенности трудового контракта при промышленном капитализме стали бы гораздо менее различимыми, особенно если речь идет о тех чертах, которые связаны с новыми областями власти и эксплуатации за рамками непосредственного трудового процесса и самого рабочего места.

Подводя итог сказанному, с одной стороны, имеются веские основания для того, чтобы считать рабство и зависимый труд общественными формами труда, которые имели основополагающее значение для капиталистической современности, сформировавшейся в XVIII веке, а с другой стороны — имеются не менее веские свидетельства того, что с конца XX века началось

42. Расцвет этой критики пришелся на первую половину 1980-х годов. См.: Charles Sabel and Jonathan Zeitlin, «Historical Alternatives to Mass Production: Politics, Markets, and Technology in Nineteenth-Century Industrialization», *Past and Present* 108, 1985, pp. 133–176; Charles Tilly, «Flows of Capital and Forms of Industry in Europe, 1500–1900», *Theory and Society* 12, 1983, pp. 123–142, «The Demographic Origins of the European Proletariat», in *Proletarianization and Family History*, ed. David Levine, Orlando, FL, 1984, pp. 1–85; Geoff Eley, «The Social History of Industrialization: „Proto-Industry“ and the Origins of Capitalism», *Economy and Society* 13, 1984, pp. 519–539.

формирование новой и существенно урезанной версии трудового контракта. Эти новые формы эксплуатации труда сосредотачивались вокруг все более важных минимально оплачиваемых, неквалифицированных, дезорганизованных, дерегулированных, полуполигальных и мигрантских рынков труда, на которых рабочие систематически лишаются большинства форм организованной защиты. Такая ситуация характерна для циркуляции рабочей силы в глобализованных и постфордистских экономиках позднекапиталистического мира, и мы должны принимать это в расчет при рассмотрении своеобразия настоящего. Независимо от того, смотрим ли мы с точки зрения «будущего» капитализма или с точки зрения его «истоков», более классическое понимание капитализма и его общественных формаций как построенных вокруг промышленного производства в обрабатывающей промышленности начинает казаться частичным и существенно искаженным; эта фаза имела место в основном на Западе и продлилась необычайно краткий отрезок времени в масштабах истории человечества⁴³.

УПАДОК АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В-третьих, в предложенной мной периодизации имеется еще одно важное измерение. В то время как социал-демократические архитекторы Западной Европы после Второй мировой войны ошибочно принимали преходящие и исключительные условия регулируемого капитализма, коллективистской социальной политики и перераспределительного улучшения за постоянную реальность, за своего рода постоянно разворачивающееся настоящее, которое, однако, начало разваливаться в новых условиях после 1968–1973 годов, послевоенной политической системы на самом деле во многом зависела от требований холодной войны.

От стратегической мысли, стоящей за «планом Маршалла», через логику профсоюзного корпоративизма и создания послевоенных государств всеобщего благосостояния к общим режимам социальной политики 1950–1960-х годов желание укрепить широкое социальное согласие против социализма «второго мира» имело решающее значение. Здесь имеются два ключевых измерения: первое касается развитого капиталистического Запада, а второе — бывшего третьего мира, и каждое из них напрямую влияет на осмыс-

43. Здесь нужно помнить о том, что в конце 1940-х — середине 1970-х при относительно гуманном капитализме под эгидой синтеза кейнсианства и социального государства Западная Европа зависела от систем глобализованной эксплуатации природных ресурсов, человеческого материала и глубоко неравных условий торговли не меньше, чем раньше (или позже). Привилегированное процветание во время долгого бума, когда были закреплены завоевания социал-демократов, (систематически, конститутивно) опиралось на исторически определенные репертуары изъятия и эксплуатации в мировом масштабе. Принимая во внимание все эти современные разговоры о колониализме и постколониальности, глобализации и «империи», остро стоит необходимость создания работающей теории империализма. См.: Alain Lipietz, «Towards Global Fordism?», «Marx or Rostow?», *New Left Review* 132, March–April 1982, pp. 33–47, 48–58.

ление нашего глобализованного настоящего. Нет никаких сомнений в том, что по первому измерению крах Советского Союза устранил жизненно важное ограничение, прежде определявшее политические культуры капиталистического Запада. Помимо развития деиндустриализации и капиталистической реструктуризации на Западе после 1970-х и их последствий для политики, публичные выступления по поводу кончины коммунизма в 1989–1991 годах ослабили убедительность и перспективность социалистических идей. Конечно, преступления сталинизма и несостоятельность советского планирования надолго подорвали легитимность социализма, компрометировав основания, на которых в 1950–1980-х годах могли выдвигаться доводы в пользу социализма. Но «реальный социализм» уже себя дискредитировал, а его крах лишь усугубил ситуацию. Во всяком случае возможные формы поддержки социализма стали маргинализированными и ограниченными. Вообще же, об этом почти перестали говорить⁴⁴.

В третьем мире имело место аналогичное разочарование и постепенное исчерпание прогрессивного националистического стремления к «развитию в одной, отдельно взятой стране» и социального популизма, который некогда составлял основу для политики независимости после деколонизации. Самир Амин и другие называли это «бандунгской эрой», во время которой проект национального развития, антиимпериалистического суверенитета и международного неприсоединения после Бандунгской конференции 1955 года стал ассоциироваться с режимами Неру в Индии, Насера в Египте, Сукарно в Индонезии и Нкрумы в Гане⁴⁵. Рост влияния антиимпериалистического суверенитета, связанного с риторикой «экономической независимости, народной власти, социальной справедливости и культурного достоинства», усилился благодаря проектам Сальвадора Альенде в Чили, Юлиуса Ньерере в Танзании и Майкла Мэнли на Ямайке. Объединение левонационалистических устремлений вокруг проекта деколонизации получило дальнейший стимул после успешного освобождения португальских колоний, поражения Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии и радикальных националистических действий, простирающихся от Восточной Африки до Афганистана. Левонационалистические проекты того или иного рода оказывали значительное влияние на народное и интеллектуальное воображение, пока они постепенно и неравномерно не скатились к конфликтам 1970–1980-х годов⁴⁶.

44. См.: Geoff Eley, «Reviewing the Socialist Tradition», in *The Crisis of Socialism in Europe*, ed. Christiane Lemke and Gary Marks, Durham, NC, 1992, pp. 21–60.

45. См.: Samir Amin, *Re-Reading the Postwar Period: an Intellectual Itinerary*, New York, 1994; также: David Scott, *Refashioning Futures: Criticism After Postcoloniality*, Princeton, 1999, pp. 143–149; David Scott, *Conscripts of Modernity: the Tragedy of Colonial Enlightenment*, Durham, 2005.

46. О «бандунгской эпохе» см.: Antoinette Burton, Augusto Espiritu and Fanon Che Wilkins, «Introduction: the Fate of Nationalism in the Age of Bandung», *Radical History Review* 95, spring 2006, p. 145–148; Antoinette Burton, «Cold War Cosmopolitanism: the Education of Aantha Rama Rau», pp. 149–172; Augusto Espiritu, «„To Carry Water on Both Shoulders“: Carlos P. Romulo, American Empire, and the Meanings of Bandung»,

В ходе возникшей в результате неразберихи возник проект переустройства миропорядка, новые принципы которого были предложены в программах «структурной перестройки» Всемирного банка. В этом внеевропейском глобальном контексте социалистические идеи перестали работать и утратили свое убедительное звучание еще до наступления краха Советского Союза. И вновь воссоздать дискурсивное пространство, на которое в 1970-х годах все еще продолжала отбрасывать свою тень политика «осуществимого социализма», было очень непросто⁴⁷. Но именно в этом смысле социалистическая часть мира служила важным идеологическим ресурсом для складывающихся обществ третьего мира — не столько как практическая модель управления обществом и плановой экономики, не говоря уже об осуществленной утопии, сколько как потенциальное пространство некапиталистического экспериментирования. Это пространство альтернативных возможностей, хотя и компрометированное сталинизмом, по крайней мере позволяло оспорить притязания либерализма на один всеобщий и необходимый путь исторического развития. С кончиной коммунизма исчез и этот горизонт альтернативной мысли. Вслед за классической схемой Арно Майера «Вильсон против Ленина», можно утверждать, что большевистская революция открыла особый период мировой истории, продлившийся с 1917 по 1991 год, по завершении которого глобальный выбор национально понятого антиимпериалистического суверенитета, наконец, был снят с повестки дня. Он был вытеснен из колониального, неоколониального и постколониального незападного мира в результате сложной конвергенцией множества различных исторических событий. Но определяющую роль здесь все же сыграл триумф неолиберализма, ставший возможным в результате краха Советского Союза⁴⁸.

КАК ПРОИСХОДИЛА ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАСТОЯЩЕГО?

В-четвертых, в каком смысле можно говорить, что наше настоящее стало «глобализированным»? Здесь я должен признаться, что я считаю понятие постфордистского перехода наилучшей отправной точкой для теоретического осмысления современного процесса капиталистической реструктуризации, начавшейся в 1970-х⁴⁹. Отдавая должное предшествующему раз-

pp. 173–190; Fanon Che Wilkins, «Beyond Bandung: the Critical Nationalism of Lorraine Hansberry, 1950–1965», pp. 191–210. См. также: «Beyond What? An Introduction», in *Post-colonial Studies and Beyond*, ed. Loomba, Kaul, Bunzl, Burton, and Esty, pp. 1–38; Penny von Eschen, *Race Against Empire: Black Americans and Anti-Colonialism, 1937–1957*, Ithaca, 1997.

47. Alec Nove, *The Economics of Feasible Socialism Revisited*, 2nd edn, Boston, 1991.

48. См.: Arno J. Mayer, *Wilson vs. Lenin: Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918*, New York, 1964, and *Dynamics of Counter-Revolution in Europe, 1870–1956: an Analytical Framework*, New York, 1971. Эта схема была принята Хобсбаумом в его «Эпохе крайностей». Критику см.: Perry Anderson, «The Vanquished Left: Eric Hobsbawm», in Anderson, *Spectrum: From Right to Left in the World of Ideas*, London, 2005, pp. 277–320.

49. О постфордизме см.: Alain Lipietz, *Towards a New Economic Order: Post-Fordism, Ecology, and Democracy* Oxford, 1992; Robin Murray, «Fordism and Post-Fordism», in *New Times*:

виту и сохраняющейся преемственности, на которые указывали Купер и Херст с Томпсоном, я также признаю, что настоящее пережило качественное ускорение мировой интеграции по трем направлениям: «заметное снижение барьеров между обществами и государствами, растущая однородность обществ и государств и растущий объем взаимодействия между обществами с точки зрения торговли, капитала, объема валютной торговли или движения туристов и мигрантов»⁵⁰. Я также могу согласиться с основной идеей Энтони Гидденса, что глобализация опирается на новую проблематику «дифференциации пространства-времени», которая исторически заменяет «классический акцент [социологии] на анализе [дискретно разграниченных и суверенных] „обществ“ или „социальных систем“»⁵¹. При логике глобализации, с точки зрения Гидденса, беспрецедентное развитие «пространственно-временного сжатия» и «усиления взаимозависимости» вызвало сокращение мира и замену его более ранних разделений на растущую «межрегиональную взаимосвязанность», которая совершенно по-новому связывает интимное «я» с «социальными процессами международного масштаба». По словам одного из главных последователей Гидденса Дэвида Хелда, глобализация означает:

существенный сдвиг в пространственном охвате социального действия и организации в сторону межрегионального или межконтинентального масштаба. Это не значит, что глобальное неизбежно заменяет собой или преобладает над локальным, национальным или региональным устройством общественной жизни. Скорее последнее может быть включено в более широкие формы межрегиональных отношений и сетей власти. Таким образом, ограничения социального времени и географического пространства, эти жизненно важные координаты современной социальной жизни, больше не служат институциональными ограничениями для многих форм социального взаимодействия или организации, как показывает существование Интернета и круглосуточной торговли на глобальных финансовых рынках. По мере «сжатия» расстояний, относительная скорость социального взаимодействия также возрастает, так что кризисы и события в отдаленных частях земного шара... начинают иметь непосредственное международное влияние, сокращающее время ответа для лиц, принимающих решения. Глобализация порождает определенный когнитивный сдвиг, выраженный в растущем общественном осознании того, как отдаленные события могут влиять

The Changing Face of Politics in the 1990s, ed. Stuart Hall and Martin Jacques, London, 1991, pp. 38–53; David Harvey, *The Condition of Postmodernity*, Oxford, 1989; Ash Amin, «Post-Fordism: Models, Fantasies, and Phantoms of Transition», in *Post-Fordism: a Reader*, ed. Ash Amin, Oxford, 1994, 1–40; Bob Jessop, «Post-Fordism and the State», in *Post-Fordism*, ed. Amin, pp. 251–279.

50. Fred Halliday, *The World at 2000*, New York, 2000, p. 61.

51. Эти цитаты из Гидденса взяты из критической работы: Justin Rosenberg, *The Follies of Globalization Theory: Polemical Essays*, London, 2000, p. 89. См. ключевую работу по этому вопросу: Anthony Giddens, *The Consequences of Modernity*, Cambridge, 1990. См. также: Гидденс, *Ускользающий мир*.

на локальную ситуацию (и наоборот), а также общественное восприятие сокращения времени и географического пространства.

Хелд продолжает: «Проще говоря, глобализация означает рост масштабов, величины, ускорение и углубление воздействия межрегиональных потоков и форм взаимодействия. Она означает сдвиг или трансформацию масштаба человеческой организации, которая связывает отдаленные сообщества и распространяет влияние властных отношений на ведущие регионы мира и континенты»⁵².

Помимо этого более абстрактного системного определения, на мой взгляд, есть по крайней мере три ключевых политических следствия, на которые следует обратить внимание: во-первых, последствия для организации суверенитета в национальных государствах; во-вторых, появление новых форм межнациональной или трансрегиональной социальной и политической мобилизации; и, в-третьих, глубоко разветвленные и изменчивые социальные, культурные и политические следствия новых форм транснациональной миграции, которые заставили миллионы рабочих и беженцев пересекать территориальные границы считающихся национальными суверенных государств.

Каждая из этих тем требует более подробного рассмотрения. Как только мы затрагиваем проблему суверенитета национального государства, не просто разобраться с соперничающими логиками и контр-логиками, выделяемыми различными школами в области международных отношений. С одной стороны, вряд ли можно поспорить, что новые формы наднационального управления по-разному и в разной степени подрывают и перестраивают более ранние функции и способности государств, определяемых национально-территориальной моделью суверенитета. Связанная с межгосударственной системой, которая в своих истоках восходит к территориализированному суверенитету, ратифицированному Вестфальским миром в 1648 году, эта модель стала преобладающей в Европе и Америках с начала XIX столетия (в Европе кульминация пришлась на 1860–1930-е годы), а в других частях света — с начала XX века. С точки зрения одной из важных школ, занимающихся осмыслением глобализации, появление особого миропорядка в конце XX века можно рассматривать как конец так называемой вестфальской системы суверенных государств. Здесь, конечно, речь идет о вполне реальном процессе. Как недавно заметил Хелд:

Короче говоря, границы между государствами утрачивают правовое и моральное значение. Государства больше не считаются дискретными политическими мирами. Международные стандарты нарушают границы множеством разных способов. В Европе Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейский Союз созда-

52. David Held and Anthony McGrew, «The Great Globalization Debate: an Introduction», in *The Global Transformations Reader: an Introduction to the Globalization Debate*, ed. Held and McGrew, Cambridge, 2000, pp. 3–4.

ют новые институты и уровни правового регулирования и управления, которые ведут к новому распределению политических полномочий. Любые допущения, что суверенитет является неделимой, неограниченной, исключительной и вечной формой публичной власти, закрепленной в отдельном государстве, больше не работают⁵³.

Но, с другой стороны, радикальность этих перемен — и даже степень проникновения новых институциональных механизмов в общественные отношения и повседневные практики этих национально ограниченных обществ — также легко можно преувеличить. Скорее, анализа требует развивающаяся неравномерность этого процесса, сложный баланс притязаний, юрисдикций и способностей. Конечно, можно описать разрушение и систематический демонтаж одной исторически-специфической формы организации территориализированного суверенитета, а именно — кейнсианского национального государства всеобщего благосостояния, которое установилось в северо-западной Европе в конце 1940-х годов. Но, несмотря на очевидный упадок последнего и все сопутствующие реконфигурации суверенитета, сложившаяся территориализованная юрисдикция, связываемая с национальным государством, едва ли атрофировалась или исчезла в каком-то общем или окончательном смысле. Боб Джессоп, по-видимому, прав, говоря, что «реструктуризированное национальное государство остается [тем не менее] важным для эффективного управления складывающимися пространственно-временными матрицами капитализма и рождающимися формами пост-или транснационального гражданства»⁵⁴.

НАЗАД К ПОЛИТИКЕ

Теперь мне бы хотелось изложить некоторые соображения о глобализации как спорном политическом проекте. Моя первая мысль касается антиномии «глобального управления» и «глобального гражданского общества», которые образуют два основных подхода к осмыслению проблемы политического контроля у прогрессистов: первый пункт поддерживается сторонниками центристской программы глобализации, а последний явля-

53. David Held, «Violence, Law, and Justice in a Global Age», in *Understanding September 11*, ed. Craig Calhoun, Paul Price, and Ashley Timmer, New York, 2002, p. 96. Краткое описание «вестфальской модели» см.: David Held, *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*, Stanford, 1995, pp. 74–83; подробную критику см.: Benno Teschke, *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*, London, 2003. См. также: Rosenberg, *Follies of Globalization Theory*, pp. 27–43; Andrew Linklater, «Citizenship and Sovereignty in the Post-Westphalian European State», in *Re-Imagining Political Community: Studies in Cosmopolitan Democracy*, ed. Daniele Archibugi, David Held, and Martin Kohler, Stanford, 1998, pp. 113–137.

54. Bob Jessop, «The Future of the State in an Era of Globalization», *Internationale Politik und Gesellschaft*, 3/2003, p. 46. См. также: Bob Jessop, «Globalization and the National State», in *Paradigm Lost: State Theory Reconsidered*, ed. Stanley Aronowitz and Peter Bratsis, Minneapolis, 2002, pp. 185–220; Hirst and Thompson, *Globalization in Question*, pp. 256–280.

ется попыткой левых интеллектуалов теоретически осмыслить основания, на которых может быть построена демократическая версия нового глобального порядка. И в том, и в другом случае имеющиеся достижения не слишком впечатляют. Если «глобальное управление» сохраняет простые отношения с более старыми формами национально-организованной управительности (*governmentality*) и политического правления, то чаемое рождение «глобального гражданского общества» все еще остается зачаточным, спазматическим и уродливым⁵⁵. Тем не менее я бы сказал, что именно в пространстве возможностей между двумя этими программными описаниями политики глобализации в ближайшее десятилетие появятся важные инновации⁵⁶.

Но, как это всегда бывает, когда мы имеем дело с бинарными противопоставлениями, всегда имеется третий член, поскольку исходная политическая логика глобализации в прошлом десятилетии освобождала глобальную экономику от какой бы то ни было политической подотчетности — будь то агрегированных в форме создания международных коалиций между прогрессивными правительствами и гарантированных транснациональным правопорядком или воображаемых в виде жестких ограничений, накладываемых участвующей активностью социальных движений. В отличие от любого из этих демократических воображаемых, экономическая теория неолиберализма считает капитал главной силой в организации общества. Неолиберализм признает необходимыми для политической организации лишь личность или корпорацию, обладающую собственностью и способную участвовать в конкурентном поиске улучшений, и рынок, выполняющий регулирующие функции в этих поисках. Иными словами, доминирующая неолиберальная программа глобализации намеренно, агрессивно

55. См. особ.: Mary Kaldor, *Global Civil Society: an Answer to War* Cambridge, 2003; Akira Iriye, *Global Community: the Role of International Organizations in the Making of the Contemporary World*, Berkeley, 2002; Held, *Democracy and the Global Order*; and *Re-Imagining Political Community*, ed. Archibugi, Held, and Kohler. См. также: John Rennie Short, *Global Dimensions: Space, Place and the Contemporary World*, London, 2001, pp. 84–85 — «пример достойной глобализации [кампании по борьбе с полиомиелитом, инициированной *Rotary International* в 1990 году], когда международное гражданское общество, международные организации и национальные государства объединились во имя благого дела». О «глобальном управлении» см.: <http://www.policy-network.net> или <http://www.progressive-governance.net> — первый из этих сайтов был запущен в декабре 2000 года Тони Блэром, Герхардом Шредером, Джулиано Амато и Йераном Перссоном после встреч на высшем уровне, посвященных «Прогрессивному управлению» (на первой из этих встреч, проведенной в апреле 1999 года в Нью-Йорке, побывал Билл Клинтон). См. также: *Globalization and Governance*, ed. Aseem Prakash and Jeffrey A. Hart, London, 1999.

56. Взвешенную и убедительную защиту возможностей транснационально понятого правопорядка или *Rechtstaat*, особенно глобальной или космополитической модели демократии см.: David Held, «The Transformation of Political Community: Rethinking Democracy in the Context of Globalization», in *Democracy's Edges*, ed. Ian Shapiro and Casiano Hacker-Cordón, Cambridge, 1999, pp. 84–111; и обоснованный скептицизм в этом отношении: Chantal Mouffe, «Cosmopolitan Democracy or Multipolar World Order?», *Soundings*: 28, *Frontier Markets*, 2005, pp. 62–74.

и догматично выводила экономику за пределы области доступного политического выбора. Это второй момент, на который мне бы хотелось обратить внимание.

В-третьих, существует один весьма специфический проект глобализации, который теперь выступает в качестве главного проводника неолиберализма: речь идет о необычайно амбициозной геополитической стратегии администрации Буша по перестройке глобального политического порядка под эгидой Соединенных Штатов как единственной гипердержавы или гегемона. Эту стратегию можно найти в программе, изложенной в докладе о «Восстановлении обороноспособности Америки», который был выпущен проектом «За новый американский век».

В-четвертых, остается неясным, какой может быть эффективная оппозиция этой программе. Как уже было сказано ранее, легко преувеличить степень, в которой экономическая глобализация делает устаревшей сложившуюся структуру национального государства. Даже если определенная модель кейнсианского национального государства всеобщего благосостояния подорвана, по-прежнему имеются широкие возможности для политического действия с использованием национального государства. Это остается одним из возможных оснований для возможного сдерживания неолиберальной глобализации. Кроме того, под эгидой движения за глобальную справедливость возникли новые формы транснациональной политической мобилизации. Эти новые формы действия — от неправительственных организаций и трансграничных сетей защиты до транснациональных гражданских и общественных движений в Сиэтле и Генуе вместе с организованной деятельностью Всемирного социального форума — могут служить источником значительного оптимизма. С исторической точки зрения, по сравнению с прошлыми формами демократического политического действия, они действительно кажутся совершенно новыми⁵⁷.

Мне бы хотелось здесь вкратце поразмышлять над новым политическим воображаемым, вписанным в существующую глобализацию, сначала обозначив складывающиеся формы глобальных левых, а затем показав, как глобализация создает почву для самой реакционной мысли, которая закладывает основы для новой политики правых.

Я крайне осторожно говорю о «складывающихся глобальных левых», потому что соответствующие формы мысли и организованной деятельности едва начинают перестраиваться, причем крайне медленно и нерав-

57. См.: Margaret E. Keck and Kathryn Sikkink, *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics* Ithaca, 1998; Matthew Evangelista, *Unarmed Forces: the Transnational Movement to End the Cold War*, Ithaca, 1999; *Globalizations and Social Movements: Culture, Power, and the Transnational Public Sphere*, ed. John A. Guidry, Michael D. Kennedy, and Mayer N. Zald, Ann Arbor, 2000; Valentine M. Moghadam, *Globalizing Women: Transnational Feminist Networks*, Baltimore, 2005; Peter Steven, *The No-Nonsense Guide to Global Media* London, 2003; *A Movement of Movements: Is Another Really World Possible?*, ed. Tom Mertes, London, 2004; *Another World is Possible: Popular Alternatives to Globalization at the World Social Forum*, ed. William F. Fisher and Thomas Ponniah, London, 2003.

номерно, в масштабе, выходящем за рамки национального государства. Я, разумеется, имею в виду новый антиглобалистский активизм и выступления против встреч «большой восьмерки» и МВФ, возникновения Всемирного социального форума и его региональных эквивалентов и массовых транснациональных демонстраций против войны в Ираке под лозунгами «Мы — повсюду», «Движение движений» и «Иной мир возможен». Следствием этой деятельности стал подъем возрожденного антикапиталистического дискурса, о котором свидетельствовала волна публикаций после событий в Сиэтле⁵⁸. Знаменательным событием в этом политическом возрождении стало появление сапатистов в ответ на вступление в действие НАФТА 1 января 1994 года. К этому можно прибавить проводившиеся в 1990-х кампании против глобальных «потогонок»;⁵⁹ более широкая политика антикорпоративной деятельности; и появление «знаковых» текстов, вроде «No Logo» Наоми Кляйн и «Тихого переворота» Норины Герц, которые способствовали кристаллизации радикально-демократической и критически-либеральной общественности на Западе, или «Цены жизни» Арундхати Роя, говорившего о расколе Севера и Юга⁶⁰.

Примечательной чертой этого антикапиталистического дискурса была общая социальная критика, важность которой нельзя переоценить, учитывая успешное исключение из публичной сферы сторонников социализма, всегда служивших основным источником такого оппозиционного дискурса. Здесь я имею в виду тот род критики, условия «которого не могут быть выполнены или удовлетворены без полного преобразования системы до неузнаваемости и которые одновременно приведут к возникновению общества, структурно отличного от существующего, во всех мыслимых отношениях — от психологического до социологического, от культурного до политического»⁶¹. Теперь, как говорит Фредрик Джеймисон, даже самые базовые формы улучшающих материалистических требований считаются практически утопизмом, включая «полную занятость, всеобщую полную занятость на всей планете», стремление и возможные условия которой предполагают самые революционные политические последствия. Соответственно, нам нужно задаться вопросом, опять-таки вслед за Джеймисоном: как выглядит

58. Joel Schalit, *Anti-Capitalism Reader: Imagining a Geography of Opposition*, New York, 2001; Emma Bircham and John Charlton, *Anti-Capitalism: a Guide to the Movement*, London 2001; *We Are Everywhere: the Irresistible Rise of Global Anticapitalism*, ed. Notes from Nowhere, London, 2003; *A Movement of Movements*, ed. Mertes; John Carter and Dave Morland, *Anti-Capitalist Britain*, Cheltenham, 2004; Simon Tormey, *Anti-Capitalism: a Beginner's Guide* Oxford, 2004; Алекс Каллиникос, *Антикапиталистический манифест*. М.: Праксис, 2004.

59. См.: *No Sweat: Fashion, Free Trade, and the Rights of Garment Workers*, ed. Andrew Ross, New York, 1997; Ross, *Low Pay, High Profile: the Global Push for Fair Labor*, New York, 2004.

60. Наоми Кляйн, *No Logo: Люди против брэндов*. М., 2004; Noreena Hertz, *The Silent Takeover: Global Capitalism and the Death of Democracy*, New York, 2001; Arundhati Roy, *The Cost of Living*, New York, 1999. См.: Arundhati Roy, *The Checkbook and the Cruise Missile: Conversations with Arundhati Roy by David Barsamian*, Cambridge, MA, 2004.

61. Fredric Jameson, «The Politics of Utopia», *New Left Review*, 2nd series, 25, January–February 2004, p. 37.

утопия глобализации? Говоря более практично, это означает: каковы особые социальные отношения глобализации; какие формы культуры и представлений порождаются; и какие формы политики могут быть основаны на них?

Наибольшую трудность в представлении и выработке стратегии представляет процесс выстраивания связей между временными вспышками сконцентрированного и впечатляющего транснационализированного протеста, вроде Сиэтла и Генуи, рассеянными, ограниченными и децентрализованными формами деятельности, известной нам под названием «антиглобалистского движения», и последовательным и организованным действием на уровне государств и их новых наднациональных управляющих эквивалентов. В принципе эта цель не слишком отличается от более ранних задач организации демократических партий, опирающихся на рабочее движение, в национальных государствах, главной задачей которых было «придание связности культуре рабочего класса»⁶². Тем не менее в глобальных условиях логистика и теоретическая трудность решения этого вопроса в транснациональном масштабе стали гораздо более сложными⁶³.

Наименее плодотворным, на мой взгляд, является подход, предлагаемый Майклом Хардтом и Антонио Негри, которые прямо выступают против организованной координации по причинам, изложенным в их двух книгах — «Империю» и «Множестве»⁶⁴. В этих работах выдвигаются гиперабстрактные утверждения относительно трансформации политического суверенитета при неолиберальной глобализации («Империю»), не приводя никаких конкретных историй, способных прояснить значение их идей для сфокусированной и ориентированной на будущее демократической практики. Хардт и Негри рассматривают революционную трансформацию в неявно институциональном ключе, отталкиваясь от идеи «значительного события, радикального революционного требования», что кажется вполне совместимым с политической категорией революции в классическом понимании этого слова. Но они сознательно воздерживаются от какой-либо конкретизации того, как «конститутивная сила множества» (понятая только «онтологически» и «социологически») может политически перейти к желанному революционному «моменту разрыва». Если оставить в стороне отвлеченные рассуждения об онтологической «общности», они связывают присутствие множества с «сотрудническими и коммуникативными сетями социального труда». Но решающий политический вопрос «что делать?» — как «мир вне суверенитета, вне власти, вне всякой тирании» должен быть практически организован в институциональной области «гарантий и конституционных движущих сил» — сознательно не поднимается. Если на них надавить, они называ-

62. Peter N. Stearns, «The Effort at Continuity in Working-Class Culture», *Journal of Modern History* 52, 1980, pp. 625–55.

63. Поразительным образом эта проблема институционализации протеста вообще не была поднята в: *Understanding September 11*, ed. Calhoun, Price, and Timmer.

64. Майкл Хардт и Антонио Негри, *Империю*. М.: Практикс, 2004; Майкл Хардт и Антонио Негри, *Множество*. М.: Культурная революция, 2006.

ют только две политические возможности: первая связана с ограниченным реформизмом, институционально ограниченным национальной конституционной политикой, а вторая — с самым максималистским низовым активизмом, который представляется калейдоскопическим и постоянно меняющимся: «либо можно работать над повторным усилением суверенитета национальных государств как защитного барьера от контроля со стороны иностранного и глобального капитала; либо можно стремиться к ненациональной альтернативе нынешней форме глобализации, которая является такой же глобальной»⁶⁵. Тем не менее именно этот не поставленный вопрос об «артикуляции», практических и стратегических трудностях согласования различных масштабов деятельности, различных форм требований, различных площадок политического давления, различных геополитических мест, различных институциональных концентраций власти на национальном, глобальном или локальном уровне, как раз и представляет наибольший интерес⁶⁶.

Опасность игнорирования таких практических потребностей организационной, стратегической и дискурсивной артикуляции становится еще более очевидной, как только мы обращаемся к противоположному концу политического спектра и рассматриваем влияние глобализации на культурную политику правых, где главной логикой стала своеобразная инволюция. В ведущих секторах общественного мнения развитых капиталистических обществ новая транснациональная текучесть породила ксенофобию, культурный расизм и общее идеологическое замыкание, особенно в ответ на массовые трудовые миграции, беженцев и растущую проницаемость границ. Эти последствия процесса глобализации тесно связаны с повседневной политикой метрополии, как показали события осени 2005 года во Франции и последующие волнения, которые блокировали принятие нового закона о занятости молодежи. Но в этих отношениях порождающая логика глобализации, даже если исходить из онтологических и социологических рассуждений Хардта и Негри, собирает своеобразное «множество», формы присутствия, стимулы к мысли и действию и заметные политические последствия которого не образуют единого направления или переплетения различных направлений, а напротив, требуют тщательного анализа и сложной политической работы. В этом отношении некоторые аспекты грандиозных идеологических или дискурсивных последствий глобализации в европейском политическом пространстве заслуживают особого внимания.

В последние годы мощный культурно-политический образ «Европы» — шла ли речь об узко понятом Европейском Союзе, который в будущем мог превратиться в федеративную Европу, или о некоей особой, более разви-

65. Michael Hardt, «Today's Bandung?», in *Movement of Movements*, ed. Mertes, p. 232.

66. Критическое обсуждение предложений Хардта и Негри см.: *Debating Empire*, ed. Gopal Balakrishnan, London, 2003, *Empire's New Clothes: Reading Hardt and Negri*, ed. Paul A. Passavant and Jodi Dean, New York, 2004. См. также: Antonio Negri, *Negri on Negri*, with Anne Dufourmantelle, New York, 2004.

той цивилизации — часто противопоставлялся одностороннему подходу американской администрации. И в более решительном варианте в самой Европе, и в более уничтожительном варианте в рамсфелдовской риторике «старой Европы», эти построения приобретали все большее политическое влияние по мере приближения к войне в Ираке. Так, острая необходимость общеевропейского видения («сознания общей политической судьбы и перспектив общего будущего»), которая обосновывалась в совместных культурных продуктах, выпускавшихся в это время Юргеном Хабермасом и Жаком Деррида, означала не только кодифицированное наследие «западной цивилизации»; она также пронизывала некоторые устойчивые представления о популярной культуре⁶⁷. Тем не менее в сложившейся ситуации начала 2000-х на новом социальном ландшафте, сформированном капиталистической реструктуризацией, с их деиндустриализованными руинами, распадом классов и постфордистской неразберихой европейские популярные культуры нельзя было рассматривать как источник оппозиционных идей, каким они, возможно, некогда были. Старая же культура левых, которая с конца XIX века и 1970-х годов обеспечивала общество неоспоримыми доминирующими ценностями, утратила свое былое влияние. «Ординарность» культуры больше не могла рассматриваться в более ранних регистрах социалистического и классового коллективизма, который сохранял общественное влияние в 1950–1960-х⁶⁸. С современной точки зрения, «обыденность» культуры нуждается в разработке по крайней мере по двум другим фронтам: мультикультурной и мультиэтнической гомогенности, которая бросает неразрешимые вызовы прогрессивной политической культуре, и националистического популизма, который рассматривает присутствие «иностранцев» или этнически изолируемых меньшинств как стимул к насильственному проведению границ и культурной демаркации. Ни в одном из этих контекстов образ европейского будущего, нари-

67. См.: Жак Деррида и Юрген Хабермас, «Наше обновление после войны: второе рождение Европы», *Отечественные записки*, 2003, № 6. В статье Умберто Эко под названием «Неопределенная Европа между перерождением и упадком», посвященной предложению Хабермса и Деррида, приводились следующие черты западной цивилизации: «фундаментальные принципы так называемого западного мира, греческое и иудео-христианское наследие, идеи свободы и равенства, рожденные Великой французской революцией, наследие современной науки, основанной Коперником, Галилеем, Кеплером, Декартом и Френсисом Бэконом, капиталистическая форма производства, секуляризация государства, римское или общее право, сама идея справедливости, достигнутая в результате классовой борьбы (как типичные продукты европейского западного мира, и можно привести еще много других) сегодня больше не составляют исключительной собственности Европы. Наоборот, они распространились и стали популярными в Америке, Австралии и, пусть и не во всех, но во многих частях Азии и Африки». Umberto Eco, «An Uncertain Europe between Rebirth and Decline», *Old Europe, New Europe, Core Europe: Transatlantic Relations after the Iraq War*, ed. Daniel Levy, Max Pensky, and John Torpey, London, 2005, p. 15.

68. Я заимствую понятие «ординарности» культуры у Рэймонда Уильямса. См. особ.: Raymond Williams, «Culture is Ordinary», in Raymond Williams, *Resources of Hope: Culture, Democracy, Socialism*, London, 1989, pp. 3–18.

сованный Хабермасом и Деррида, не в состоянии предложить ничего привлекательного⁶⁹.

Эти рассуждения об «общем европейском доме», как однажды назвал его Михаил Горбачев, обычно отталкиваются от представления об особой и связанной истории. Адольф Мушг в своей статье по поводу инициативы Хабермаса/Деррида назвал это «общей судьбой»:

Объединяет и разделяет Европу одна и та же вещь: общие воспоминания и привычки, постепенно приобретенные путем дистанцирования от фатальных привычек. Европа — это то, чем Европа становится. Это не Запад и не колыбель цивилизации, она не имеет монополии на науку, просвещение и современность. Она не должна пытаться искать обоснование своей идентичности в чем-то ином, помимо своего собственного опыта: любые притязания на исключительность могут лишь привести к иллюзиям и претензиям XIX столетия относительно того, чем она является для остального мира и что у нее есть право осуществлять господство над ним⁷⁰.

Но при всей новой скромности и отчетливой смиренности это заявление об общей культуре не имеет под собой веских оснований. Действительное разнообразие современного населения Европы, рассматривается ли оно с точки зрения демографии миграций, этничности, языка и религиозной принадлежности или с использованием более сложных социологий и культурных формаций, заметно превосходят такие заявления о том, что объединяет дискретно разворачивающиеся истории.

Такая защита чаемой политической общности «Европа» требует активного забвения или подавления некоторых важных историй прежде, чем сможет заработать желанная «официальная память» либеральных или социал-демократических интеллектуалов, вроде Хабермаса. Утверждение этой «Европы» в качестве общепризнанного объекта политических устремлений, как и более ранних политических и культурных конструкций нации, активно предполагает такую работу забвения и подавления.

Это очень точно показано в ответе Ханса-Ульриха Велера на манифест Хабермаса/Деррида. По Велеру, безукоризненно либеральная позиция которого помогала определять историческую обоснованность современных дебатов на протяжении четырех десятилетий, одной из ключевых проблем, оставленных нерешенными у Хабермаса и Деррида, была проблема границ «Европы». Точнее, проблема открытости Европы на «восток и юго-восток»:

Белоруссия, Украина (которая уже приняла парламентское и правительственное решение присоединиться к ЕС к 2011 году), Молдова, сама Россия и особенно Турция никогда не были частью исторической Евро-

69. И, можно добавить, они не приводят веских свидетельств практического осуществления политической фантазии множества.

70. Adolf Muschg, «„Core Europe“: Thoughts about the European Identity», *Old Europe, New Europe, Core Europe*, p. 26.

пы. Они не опираются на наследие иудейской, греческой или римской древности, которое сохраняется в Европе по сей день. Они не боролись за разделение церкви и государства и даже вернулись, как после большевистского или кемалистского *intermezzo*, к символическому сближению между ними. Они не пережили Реформации и, что еще важнее, даже какого-никакого «Просвещения». Они не породили никакой европейской буржуазии, никаких автономных европейских городов, никакой европейской знати и никакого европейского крестьянства. Они не участвовали в величайшем достижении европейской политической культуры с конца XIX века: строительстве государства всеобщего благосостояния. Культурные различия оставили свой глубокий отпечаток в Европе. Мир православного христианства все еще заметно отличается от протестантской и римско-католической Европы, которая, в свою очередь, отделена очевидным культурным барьером от ислама Турции⁷¹.

В своем бесхитростном повторении избитых европоцентристских клише, эта замечательная цитата выдает исключаящую логику культурной центрированности внутри немецкого общества, которая ограждает Европу от определенного государства. Несколько лет тому назад Велер вызвал острую полемику своей статьей в *Die Zeit*, направленной против предполагаемого вступления Турции в ЕС. В интервью по этой же теме он утверждал, что «мирное сосуществование» с турецкими иммигрантами в Германии «на самом деле не работает»: «У федеративной республики нет проблем с иностранцами, у нее есть турецкая проблема. Мусульманская диаспора по сути своей неспособна к интеграции». Германия имела дело с разными иммиграциями начиная с основания второй Республики, но «в какой-то момент чаша терпения переполнилась»⁷². Эта точка зрения отражает ориенталистские воззрения изумительной простоты, ставя под сомнение способность исламского мира к демократии, говоря о многовековом «столкновении цивилизаций между османской империей и христианским миром» и делая общие выводы для Европы («всюду в Европе мусульманские меньшинства оказываются неассимилируемыми, оборонительно замыкаясь в своей субкультуре»)⁷³. Велер рисует лубочную картину толпы немых анатолийцев, скопившейся на границе и только и ждущей того, когда ЕС откроет свой рынок труда. Как замечает Рита Чин, «он даже реанимировал один из старейших тропов

71. Hans-Ulrich Wehler, «Let the United States Be Strong! Europe Remains a Mid-Size Power: A Response to Jürgen Habermas», *Old Europe, New Europe, Core Europe*, p. 121.

72. Hans-Ulrich Wehler, interviewed by Ralph Bollmann, *TAZ*, 6849, 10 Sept., 2002, p. 6.

73. Hans-Ulrich Wehler, «Das Türkenproblem», *Die Zeit* 38, 12 Sept. 2002, http://zeus.zeit.de/text/archiv/2002/38/200238_tuerkei.contra.xml, p. 3. См. также ответные письма читателей: «Diskussion: Wie ein Schlag ins Gesicht. Lesedebatte zu Hans-Ulrich Wehler: „Das Türkenproblem“», *Die Zeit* 40, 27 Sept. 2002, http://zeus.zeit.de/text/archiv/2002/40/200240_l-tuerken.xml. См. также: Hans-Ulrich Wehler, «Verblendetes Harakiri. Der Türkei-Beitritt zerstört die EU», *Aus Politik und Zeitgeschichte*, B 33–34/2004, pp. 6–8. См. также: Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York, 1998, is deliberate, as Wehler invokes this book at the outset of his interview with Ralph Bollmann.

Просвещения, троп абсолютного различия, сравнив 65 миллионов современных турков с османскими ордами у ворот Вены»⁷⁴.

Больше всего в западноевропейских дебатах поражает степень, в которой расовая окраска многих современных тревог относительно работы существующих и зарождающихся политических механизмов и стабильности их социальных основ, необычайно глубоко включена в дискурсивную архитектуру политических дебатов, но все же остается невыраженной. Конечно, в действительности «раса» неизбежно проявляется конфликтным и нередко насильственным образом. С одной стороны, открытый расизм крайне правых, а с другой — коллективные действия осажденных меньшинств размечали социальное и культурное пространство расового понимания на протяжении трех или четырех десятилетий в различной степени в различных странах. Но по-прежнему неясно, в какой форме эта специфическая часть европейского политического бессознательного может быть выражена продуктивно и демократически⁷⁵.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Было бы неправильно завершить статью о политическом видении глобализации и важности историзации последней, не упомянув о том, что остается главным ориентиром глобального настоящего, а именно — о последствиях нападений 11 сентября на Всемирный торговый центр. Моей собственной первоначальной реакцией на это событие в контексте невиданного зрелища самих нападений было ожидание мощного и согласованного удара по антиглобалистским движениям с использованием ярких образов разрушения башен-близнецов для делегитимации любых будущих проявлений активности. Конечно, так во многом и произошло, хотя после первоначального потрясения различные элементы глобального движения за справедливость, скорее, успешно перегруппировались и не в последнюю очередь на основе выступления против войны в Ираке⁷⁶. Кроме того, когда репрезентационный репертуар вокруг 11 сентября становится настолько товаризованным, когда политика памяти об этих событиях настолько погрязает в спорах конкурирующих, коммерческих, собственных, муниципальных, гражданских, виктимологических и публичных заявлений и когда полемисты, вроде Энн Коултер, могут обвинять четырех женщин, потерявших своих мужей 11 сентября, в нарциссическом переживании своей утраты, становится ясно,

74. Rita Chin, *The Guest Worker Question in Postwar Germany*, Cambridge, 2007, p. 273.

75. Подробнее об этом см.: Geoff Eley, «The Trouble with „Race“: Migration, National Belonging, and Citizenship in Europe», in Rita Chin, Geoff Eley, Heide Fehrenbach, and Atina Grossmann, *After the Racial State: Difference and Democracy in Postfascist Germany*, Ann Arbor, 2008. Ценный обзор миграционной политики в Европе см.: Gallya Lahav, *Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders*, Cambridge, 2004.

76. Здесь я сознательно говорю о движении за «глобальную справедливость», а не об «антиглобализме», поскольку такое обозначение кажется мне более продуктивным с политической и описательной точки зрения.

что публичная сфера далека от каких-то прямых форм *Gleichschaltung* или координации⁷⁷.

Конечно, говоря о влиянии 11 сентября, нельзя ограничиваться несколькими абзацами⁷⁸. Фред Холлидей в одном полезном обзоре выделяет три четких измерения последствий событий 11 сентября для мира: влияние на американское общественное мнение, возрастание агрессивности в американской внешней политике и перестройка американских отношений с остальным миром⁷⁹. В каждой из этих областей содержатся противоречивые элементы, связанные с мусульманами, арабами и исламским политическим. Такие противоречия сделали возможным воссоздание старых политических границ. Отчасти это произошло из-за разницы в могуществе между развитыми капиталистическими странами и всем остальным миром, которые в военном, дипломатическом и финансовом отношении по-прежнему организованы в виде национальных государств. Используя новый напуганный и сердитый патриотизм, сфокусированный вокруг постоянной необходимости «войны с террором», они также делают возможным усиление старых идентификаций с национальным государством. По мере проникновения этого патриотического сознания «осажденной крепости» в наши страны, оно становится потенциальной основой для общей политической перестройки. В Соединенных Штатах этот патриотический поворот довольно ощутим, как в форме усиления мер безопасности в государстве, так и в форме возрастания нетерпимости к различию и несогласию. В странах «крепости Европа» по нарастающей происходит поворот к паневропейскому антиисламскому расизму. Независимо от силы вышестоящих транснациональных политических механизмов, о которых говорят сторонники «глобального управления», для сдвига народных политических привязанностей в этом направлении потребуется немало времени.

Но сила глобализации как дискурсивной формации — как наблюдаемого единства риторики и практики, о котором я говорил в начале настоящей статьи, — имеет жизненно важные политические последствия. Сам этот возврат политической преданности и привязанности к национально-государственному патриотизму тесно связан с безапелляционными заявлениями правительств, что серьезность кризиса дает им право ни перед кем и ни в чем не отчитываться. Эта защита от конституционного надзора обосновывается требованиями чрезвычайного положения, которое описывается как глобальное. С одной стороны, «глобальная война против террора» оправдывается концепцией «свободы», которая считается глобальной с точки зрения своих движущих сил и охвата. С другой стороны, верховная власть принятия решений выводится за рамки конституционных ограничений. Эта логика неприкрытой неподотчетности разворачивается в то время,

77. См.: Ann Coulter, *Godless: the Church of Liberalism*, New York, 2006.

78. См.: Steinmetz, «State of Emergency», in *Understanding September 11*, ed. Calhoun, Price, and Timmer.

79. Fred Halliday, «Letter from Ground Zero», *openDemocracy*, 26 May 2006, <http://www.openDemocracy.net>.

когда исторические инфраструктуры демократического гражданства в развитых капиталистических обществах приходят в состояние упадка. И как раз тогда, когда в феврале 2003 года произошли крупнейшие транснациональные массовые демонстрации демократического гражданства, когда-либо виденные в истории интегрированного мира, принятие политических решений стало еще менее подотчетным. Уверенные в своей незаменимости в деле обеспечения глобальной безопасности, правительства способны просто «пересидеть» выступления протеста.

Перевод с английского Артема Смирнова